

Созвездье Пса

Автор:

Андрей Валентинов

Созвездье Пса

Андрей Валентинов

Ноосфера

Под бешеным крымским солнцем археологи раскапывают древний Херсонес. Но все ли подвластно науке? Не существует ли некая грань, за которой – непознанное, непознаваемое? Можно ли столкнуться с Фантастикой не в виртуальном, вымышленном мире, а в нашей реальности?

Роман Андрея Валентинова написан с использованием подлинных результатов научных исследований автора и его коллег. Тайна Подземного Храма в Херсонесе до сих пор не раскрыта до конца...

Андрей Валентинов

Созвездье Пса

Моим друзьям по херсонесской экспедиции посвящается

В те дни, когда на нас созвездье Пса

Глядит враждебно с высоты зенита,

И свод небес как тяжесть оперся

На грудь земли, и солнце, мглой обвито,

Жжет без лучей, и бегают стада

С мычанием, ища от мух защиты,

В те дни любил с друзьями я всегда,

Собора тень и вечную прохладу,

Где в самый зной дышалось без труда...

И сам себя еще я вопрошал:

К чему мог быть тот памятник воздвигнут?

Как вдруг от страшной мысли задрожал,

Внезапным озарением постигнут...

А. К. Толстой

15.05.01.

г. Харьков

Дорогой Андрюс!

Дожди не только в Вильнюсе, в твоей маленькой зеленой Литве, Харьков тоже заливает, и за моим окном – дождь, дождь, дождь...

У меня к тебе несколько неожиданный вопрос – и столь же неожиданная просьба. Но по порядку.

Книги растут, как грибы, порой совершенно не по воле автора. Мой замысел о Спартаке зреет себе помаленьку чуть ли не восьмой уже год, а сейчас у меня

совершенно не в очередь наметился роман, о чем бы ты думал? О нашей Крипте.

Объяснять именно тебе, почему стоит написать об исследованиях Крипты, не имеет смысла – ты прекрасно знаешь, какой кусок жизни, и немалый, наша компания посвятила этой полуобвалившейся вырубке в толще херсонесской скалы. Скорее удивятся мои читатели, привыкшие, что Андрей Валентинов тешит их крипоисторическими байками о французских аристократах и кастильских пикаро. До поры, до времени мне самому это нравилось, но теперь я понял, – пора менять фронт. Дело не только в очевидной опасности самоповторения, что чрезвычайно раздражает как в чужих книгах, так и в своих в особенности. Меня начали хвалить те, чьи похвалы порой хуже брани. Хорошо бы вновь расшевелить наших снобов, ибо их ругань действует на меня чрезвычайно ободряюще. Посему новая книга не будет иметь ничего общего с криптоисторией, в классики которой меня уже записали. Да здравствует старая добрая научная фантастика! Хорошо бы изваять нечто про профессора Петрова, который изобрел некий полезный для страны агрегат, а в это время шпион Густопсиди уже ползет по полу лаборатории, дабы оный агрегат утащить в Пентагон... В детстве такие книги мне чрезвычайно нравились.

Проблема в том, что я, будучи гуманитарием, понятия не имею, какой именно агрегат изобретет профессор Петров. Поэтому решил поступить проще – рассказать о событиях абсолютно реальных, однако вполне подходящих под определение «научная фантастика». Ты сам, принимавший в них активнейшее участие, думаю, согласишься, что исследования Подземного храма на Главной улице Херсонеса Таврического привели нас в некую промежуточную зону между наукой и чем-то непознанным, пока непознаваемым. Так что вместо криптоистории займемся «криптологией».

Поскольку это роман, а не научный отчет, о всех наших исследованиях рассказывать не стану, изложу лишь самое начало – события лета 1990 года, от которых у меня сохранились подробнейшие записи, включая личный и служебный дневники. Именно поэтому среди персонажей не будет тебя, примкнувшего к нам через год. Очень жаль конечно, хотелось бы рассказать о том, что довелось увидеть нам с тобой. Только вот с воображением у многих читателей туго. В баронов-драконов они вполне готовы поверить, а вот в случай с флейтой... Помнишь?

Как ты сразу заметишь, все факты, события и реалии совершенно подлинные, включая полное отсутствие сигарет в славном городе Севастополе,

трехлитровые банки с напитком, ласково прозванным нами «желтым чудовищем» – и то, что слово «зачистка» означало тогда всего лишь подготовку раскопа к фотографированию.

С того, увы, далекого года, многое изменилось – и не только в связи с насыщением рынка куревом всех сортов. Проблема Крипты сейчас уже проникла на страницы серьезных монографий, наши коллеги, и прежде всего ты сам, сделали очень много для продолжения исследований. А посему вопрос:

Не против ли ты, дабы я использовал наши совместные штудии, включая некоторые фрагменты из твоих работ, касающихся Крипты?

Если не против, тогда просьба:

Не мог бы ты, подумав и перелистав свои заметки, написать о том, как сейчас выглядят результаты этих исследований? Имеется в виду пласт исторический (назначение, аналогии, архитектура объекта) и более общий (например, был ли дохристианский период существования Крипты?). В общем, все, что сочтешь нужным, и что в голову придет.

Писать я решил просто, без излишних отступлений, лирических сцен и выдуманных апогеев-кульминаций. Жизнь – лучший режиссер, особенно в Херсонесе. Не имеет смысла также «сгущать» события, заставляя персонажей за четыре короткие недели проводить исследования, потребовавшие на самом деле нескольких полновесных сезонов. Только в кино да в книжках, написанных теми, кто не нюхал, чем пахнет раскоп, герои-археологи и день, и ночь посвящают себя Науке. А что такое реальная экспедиция, нам с тобой более чем известно. За основу я взял расшифровку своего личного дневника, сделанную тогда же, по свежим следам, добавив некоторые имеющиеся у меня и у Бориса документы, а также мои наброски, сделанные в тот год, славным летом 1990-го.

Пусть этот роман станет для всех старых херсонеситов ярким окошком в наш ушедший навсегда мир, ставший сейчас не менее легендарным, чем Митридатовы войны и Крещение Руси.

А в Херсонес мы все равно вернемся, иначе наша жизнь окончательно станет пресной и серой – такой, от которой мы каждое лето уезжали к пыльным руинам давно погибшего Города на Полуострове.

Твой Андрей.

...Когда над головой вспыхивает созвездье Пса, когда прокуренный воздух квартиры становится вязким, когда пыль потревоженного рюкзака заставляет сладко замирать сердце, когда зыбкая граница между Настоящим и Грядущим, начинает размываться предрассветным туманом, когда просишь соседей поливать кактусы раз в неделю, когда на дно рюкзака тяжело валятся банки тушенки, когда...

Карандаш – самое главное.

Не один, конечно, лучше всего целых три, причем не абы каких, не «Т» и тем паче не «ММ», а всенепременно «ТМ», да пару лезвий, да кусок наждачной бумаги.

Две тетради. Ту, которая Дневник, надо будет еще привести в порядок, поля отчертить, но это успеется, а вот об обложке следует позаботиться сейчас, а не то спрыснет дождичком...

Потому и карандаш – не пишут в экспедиции чернилами. И не рисуют. А поскольку Дневник – документ официальный, заполнять его придется понятным почерком, дабы можно было потом снят копию.

А вот Тетрадь № 2, она же Рабочая, обойдется. Писать в ней можно будет скорописью, сокращая слова, причем с двух сторон. С обратной стороны – что на душу ляжет, а вот, так сказать, с парадной...

Рабочая тетрадь. С.З.

Харьковский государственный университет им. А. М. Горького. Херсонесская экспедиция. Июль 1990 г. Портовый район. Казарма. Отряд «Стена».

Основные цели работы...

В общем, где-то так. Теперь обе тетради – в полевую сумку.

Рюкзак собирается легко. Вещи привычно льнут друг к другу, теперь остается встряхнуть, узел потуже – и можно ехать. Место и время встречи, как известно, изменить нельзя, разве что сдвинется вечное, как привокзальная грязь, расписание поездов. В девять вечера на ступеньках Южного Вокзала...

В этом ритуале, ритуале сбора, есть нечто волнующее – из ниоткуда возникают люди, со многими из которых не виделся целый год. Поэтому стараюсь приехать пораньше, хотя с каждым разом среди собирающейся небольшой толпы знакомых лиц все меньше и меньше.

...Без пяти девять. На ступеньках уже кто-то есть – я не первый, хотя почему-то хотелось появиться прежде всех. И кто же тут такая пташка ранняя? Ну конечно, Д. собственной персоной, с чадами и домочадцами – жена, обе дочери. Не ходить же одному на пляж! Раньше Д. никогда не торопился, но в этом году он как-никак заместитель самого Сибиэса. И не просто заместитель – преемник! Этот сезон – стажировка, а уже следующий... В общем, можно и поторопиться.

А рядом с Д. какой-то выводок, не иначе, студентки-практикантки, так сказать, площадка молодняка. Ну, это неинтересно.

Поздороваться. Закурить. Ждать.

...Грязный вокзал, грязная площадь, грязь на каменных ступеньках... Так всегда все начиналось, так всегда заканчивалось – все тем же вокзалом, той же площадью, теми же ступеньками...

Рабочая тетрадь. С.3.

...1. Дойти до фундамента южной стены Казармы.

2. Попытаться определить время строительства.

Все это под вопросом из-за близости грунтовых вод, до которых не более 0,7 – 1 м.

Возможные решения:

– Применение технических средств для откачки воды.

– Временная заморзка грунта.

Примечание: Ха-ха! (три раза).

3. Попытаться определить полные размеры Казармы, а также наличие входа – с использованием экстрасенсорных методов.

Примечание: Предложение Бориса. Толку мало, но попытаться можно...

Еще три года назад, до распада нашей старой команды, я мог назвать каждого вновь прибывающего. Но время прошло, иных уж нет, те далече, и остается вновь и вновь констатировать – не знаю, не знаю... Ага, вот и Борис! Впрочем, Борис – образцовый херсонесский офицер, и ожидать от него опоздания просто невозможно. Та-а-ак, на горизонте Ведьма Манон. Тут можно не спешить здороваться – Манон в последнее время ведет себя как-то некрасиво... С ней Стеллерова Корова, еще кто-то из прошлогодних. Вот эти ребята тоже были... Черт возьми, как мало осталось тех, с кем я когда-то здесь встречался!

Рабочая тетрадь. С.3.

...Экстрасенсорное исследование археологического памятника сугубо сомнительно из-за крайней субъективности оценок. Категории «тепло» –

«холодно» и «светло» – «темно» могут означать все, что угодно. К тому же, результаты заведомо невозможно проверить, по крайней мере в ближайшие годы...

Время идет, пора бы и начальству появиться. Ага, вот и Сенатор Шарап с мадам Сенаторшей. И Женька с ними, как всегда, и чемодан тот же – желтый, системы «оккупант». Только еще год назад Сенатор был просто Шарапом, ну, а теперь в связи со всей этой демократией-гласностью...

Где же Сибиэс? Неужели уедем без начальника?

Сибиэса все нет, зато вижу О. с братом. Странно, логичнее было бы увидеть ее с супругом. Видать, решила отдохнуть от семейных радостей, а брат вроде конвоя. Что ж, и такое в Херсонесе бывало.

Ага! Вот и Сибиэс. Эх, Сибиэс, интересно, кто из нынешней толпы помнит твою старую кличку? Теперь ты уважаемый, маститый, да еще и много повидавший. Откуда это ты приехал? Ну, конечно, Женева... На завтрак подают ананасы, а в магазинах сто пятьдесят сортов сыра.

Вроде все? Парад закончился, можно закидывать манатки на горбы и маршировать аккуратно на четвертую платформу. Да, все...

...Нет Дидика, но он секретарит у себя в райкоме и забыл о Херсонесе. Нет Шуры-Крокодила, но у него на носу защита. Нет Лерки Ракович, но у нее дочке полгода. Нет Зубковой, Желтого, Одабашьяна, Лузана – где-то они все? Нет Юрки Птеродактиля – впервые за много лет не поехал. Не поехал, и я остался без левой руки на раскопе. Нет Луки, но Лука, к счастью, только чуток припоздает. Конец старой гвардии!

...Мы на фотографиях, на старых снимках в альбоме, на катушках пленки, завернутой в фольгу, в херсонесских легендах, на беззвучных полях Прошлого. Мы – не здесь...

Едем все вместе, прежнее деление на купейных и плацкартных отменено, но не из-за новых демократических веяний, а потому, что южные поезда перестали комплектовать купейными вагонами – дабы больше влезло. В перспективе перейдут на «телятники», – этак влезет еще больше.

Первым делом, конечно, надо покурить в тамбуре. Берем с Борисом по «Ватре» и направляемся, подсчитывая по дороге наши сигаретные запасы. На десять дней должно хватить, а дальше – как бог даст. Увы! Еще три года назад мы могли привередничать, – к примеру, рассуждать о том, что лучше брать с собой – «Родопи» или «Вегу».

Перестройка!

По пути в тамбур разглядываем наш табор. Внезапно замечаю Старую Самару с дочкой. Фантом? Вроде бы нет, вполне материальна. А муж где? Что за поветрие – оставлять мужей дома, когда едешь на раскопки?

В соседнем купе разместились самые сливки – Сибиэс и семья Сенатора. Подсесть? О чем это великие гутарят? Сенатор только что с сессии, не о том ли разговор? Нет, конечно, речь не о политике – Сибиэс никак не может отойти от Швейцарии.

...Везде подметено, фотоаппараты очень дешевы, а пленка, напротив, дорогая. Сыр – ста пятидесяти сортов... Впрочем, это я уже слышал. И ананасы на завтрак... Книжки, естественно, очень дороги, не купишь, зато жвачка дешевая...

Сенатор слушает чуток снисходительно, но особенное внимание оказывает мадам Сенаторша. И вправду, хотя супруг ее и стал из задрипанного Шарапа государственным мужем, но в Швейцарию его покуда не приглашают.

И что скажешь? Пару лет назад, когда Сибиэс только брался за кормила экспедиционного фюрерства, в поезде мы с ним говорили о том, что мы намериваемся делать в этом самом Херсонесе. Впрочем, тогда я, а не товарищ Д., был его заместителем. Интересно, по моему нынешнему скромному рангу мне положено сидеть тут и слушать рассказы начальства о Швейцарии?

1. Скифский поход Дария.

Ахемениды – владыки Персии, наследники аннексированного ими Мидийского царства, хорошо представляли себе, что такое степная опасность. Поэтому персидские цари воевали с кочевниками последовательно и упорно. Их противниками были ближайшие родичи скифов – азиатские саки и массагеты. Несмотря на ряд неудач, в частности гибели в бою с массагетами Кира Великого, персы сумели обеспечить стабильность своих степных границ и даже имели основания причислять часть саков к своим подданным. В конце VI века н. э. у персидского царя Дария появились причины вспомнить и о потомках скифов-«ишкуза», переселившихся на территорию нынешней Украины.

Отец Истории Геродот охотно объясняет нам причину этого внимания. По его мнению персы решили отмстить неразумным «ишкуза». Мотив мести в политике чрезвычайно тонок. Всерьез поверить в вендетту великой империи живущим на краю тогдашней ойкумены правнукам своих врагов мог лишь житель провинциального Афинского государства, для которого самая могучая, развитая и обширная держава мира была всего лишь сонмищем безголосых «варваров» под управлением жестоких и тупых самодуров. Впрочем, царь Дарий вполне мог прокламировать такую вендетту, как цель похода. Подобный предлог был ничуть не хуже, чем всякий иной (например, защита соплеменников, проживающих в другом государстве или интернациональный долг)...

Перед тем, как отбиваться, можно – нужно! – заглянуть к Маздону, который, конечно же, как всегда, недоволен. Вообще-то он абсолютно прав. Маздон – первоклассный фотограф и заслуживает больше, чем два пятьдесят командировочных в сутки. Конечно, мы все недовольны, но не все умеют столь художественно возмущаться. Не всем дано! Подбородок выше, плечи расправить...

Коммунисты пр-р-роклые!

...Он едет в Херсонес в последний раз! Его не ценят. Не дают должности начальника фотолаборатории. Не снабжают бесплатным молоком. И вообще, все они маздоны, лавочники – и коммунисты проклятые! Да, проклятые, это он всегда говорил! И едет сюда точно в последний раз, его приглашают сразу в три экспедиции, одно приглашение выгоднее другого. Да-да, все они маздоны! Все абсолютно, и особенно, Ведьма Манон!..

Ну, как же без нее? Все верно. И ноги твоей больше в Херсонесе не будет. Не будет, раз тебя здесь так не любят.

Эх, старый наш Маздон! Десять лет назад говорил ты то же самое. И куда ты делся? Тебе уже шестой десяток идет, здоровьишко пошаливает, а как июль – труба зовет, берешь три своих фотоаппарата – для узкой пленки, широкой и слайдовой – и прешься на вокзал. Что не любят – это точно, но никого из нас, стариков, здесь не любят. Все мы странные, Маздон, страннее некуда. А без тебя, мы разбежимся, – без твоих фотографий дела не будет, это уж точно. И ты хорошо это знаешь, поэтому и позволяешь себе время от времени покрикивать и пошумливать. Шуми, Маздон, покуда шумится! А чем черт не шутит – вдруг Д. и вправду решит избавиться в следующем году от всех нас, последних гусар экспедиции? То-то он проговорился, что учится фотографировать. Ну что ж, пока что были плохие экспедиции с хорошими фотографиями, а теперь будут плохие экспедиции с плохими фотографиями. Правда, кто ему будет отчет писать, если не поеду, скажем, я? Впрочем, Д., – человек усидчивый, напишет. Написал же диссертацию, в конце концов!

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С.3.

...Подлинная причина, заставившая царя Дария вспомнить об «ишкуза» очевидна при первом же взгляде на карту. Персидская империя начинала завоевание Фракии, что требовало обеспечения безопасности с севера. Персы явно не собирались ни уступать Фракию скифам, ни подставлять свои спины под их бьющие без промаха стрелы.

Где-то между 516 и 512 годами до н. э. огромная персидская армия, заняв часть фракийской территории, двинулась на север. Начался скифский поход Дария – пожалуй, самая яркая из известных нам страниц скифской истории.

Нет нужды подробно останавливаться на геродотовой версии этого похода. Она не только общеизвестна, но и изложена настолько ярко, что любые списки уступают оригиналу. Удивляться этому нечего – литературное мастерство Геликарнасца соединилось, в данном случае, со скифским героическим эпосом. Итак, перед нами скифская версия событий, где, как и в любой саге (былине, эпосе, сообщении Совинформбюро или ТАСС) сочетаются крайняя тупость и недалёковидность врага и мудрость защитников Отечества, поистине кутузовская тактика заманивания, наглые требования захватчиков, гордый ответ скифского «генералиссимуса» и, естественно, загадки, столь же малопонятные, как и иные современные дипломатические ноты. Мышка в корзине, лягушка в корзине...

Снова красный закат и белесый восход.

Снова еду тревожить я мертвый народ.

Сколько стен я разбил и могил изувечил!

Ты доволен собою, настырный ты крот?

Утро. Слева, справа за окном – сизая водная гладь. Сиваш, тот самый, который в свое время перебрали латышские полки и удалые тачанки Каретника, чтобы на эти семь с гаком десятилетий решить вопрос о том, кому на Руси жить хорошо. Впрочем, сейчас Сиваш тих – болото болотом.

Однако в это утро нам не до аллюзий. Чей-то уверенный глас, чей именно, спросонья и не понять, вещает очевидное: опаздываем! Вообще-то говоря, в этом нет ничего мистического, скорее в наши дни странным было бы обратное, но в данном случае есть причина задуматься.

...Наша славная конкиста строится на великом «авось»: авось дадут пропуска в сверхзакрытый от советских людей Севастополь (по-нашему – Себаста), авось выделят жилье в Херсонесском историко-археологическом заповеднике – Херзаповеднике, авось найдется лишний шанцевый инструмент. Авось, авось, авось... Среди этих больших «авось» – авось малый, но важный. Наш поезд не идет до Себасты, ибо прямого харьковского нет, посему мы вот уже который год ходим в Симферополе (в Симфе, по-нашему) и пересаживаемся на электричку. На сей счет существует давно разработанный ритуал со сбором пропусков для предъявления в билетную кассу и перебеганием на нужную платформу. Фокус,

увы, в том, что между приходом поезда в Симфу и электричкой – всего двенадцать минут. Обычно все это как-то обходилось, но сегодня мы точно опаздываем. А до следующей электрички чуть ли не четыре полновесных часа.

Четыре часа на симферопольском вокзале да еще в июльскую жару! Есть над чем задуматься.

Сибиз молчит, но, чувствуется, что вождь нервничает. Сибиз изрядно суеверен, и такое опоздание способно выбить его из колеи на неделю, а то на весь сезон.

Между ветеранами, отстаивающими очередь в умывальник, разгорается малопродуктивный спор о ближайших перспективах. Смотрю на часы: нагоняем, но полчаса опоздания налицо, а нам вполне хватит и десяти минут. Действительно, так мы еще не влипали...

Красноперекопск, Джанкой, Красногвардейское... Вот уже за окном белые предместья Симфы, кто-то начинает подтаскивать вещи к тамбуру, мелькает темная речушка, которую мы видим бог весть в который раз, но до сих пор не удосужились узнать название. Вот на горизонте мавританские контуры вокзала.

...«Скорей!» – вопит мадам Сенаторша, прорываясь в тамбур. Такое впечатление, что она намерена прыгать на ходу. Конечно, сидеть на раскаленном вокзале в Симфе не хочется не только ей одной. Впрочем, когда поезд, наконец, тормозит, и мы начинаем спрыгивать на долгожданную землю Тавриды, все уже окончательно ясно – поезд приплелся на двадцать минут позже, значит четыре часа под солнцем Симфы нам обеспечены.

Не трать, кумэ, силы – йды на дно!

...Бежим, спешим, гоним, торопимся, в спешке, в толпе, в суете, в поту... Некуда, незачем, пришли, притопали, приплыли...

Табор расползается по вокзальной площади, кто-то уже лижет мороженое, кто-то устремился к киоскам, будто здесь и вправду не Крымская область, а аксеновский Остров Крым. У бесполезных касс электричек остаются лишь

четверо – Сибиэс, Сенатор и мы с Борисом.

Сибиэс мрачен. Вождь потряхивает загустевшей за последний год бородой и сообщает, что экспедиция, судя по всему, не удалась.

Не комментируем – смотрим на расписание.

Сенатор резонно замечает, что на Себасту идет ленинградский поезд, который отходит аккурат через четверть часа и, в конце концов, можно попытаться. На это Сибиэс не менее резонно напоминает, что нам все равно не успеть, ведь требуется еще оформить билеты. На электричку таковые штампуют мгновенно, а на проходящие поезда данная процедура занимает куда больше времени. Опять же пропуск, сличение с паспортом, дабы шпион в Себасту не просочился... Истина эта неоспорима, но Сенатор проявляет твердость, памятуя, очевидно, наставления супруги. Прихватив с собой Д., который мирно уселся в семейном кругу под чахлой акацией, он бросается в здание вокзала.

Остается одно – ждать. Мимоходом приходит в голову мысль, что билеты вообще-то и не к чему – проводники охотно уладят этот нехитрый вопрос. Мы так ездили, причем неоднократно. И не мы одни.

Говорю об этом Сибиэсу, но в его глазах вижу лишь ощущение покорности судьбе.

Минут через десять взмыленные Сенатор и Д. возвращаются с ожидаемыми вестями. Касса, явное дело, заявила, что на нашу орду билетов не наштампуют. Д. кивает – вопрос для него решен – и идет покупать семье мороженое. Сенатор плетется докладывать супруге о случившемся форс-мажоре. Не сдастся один Борис. Он смотрит на часы, затем на Сибиэса и уверенно заявляет, что все-таки еще можно успеть. Если взять вещи да рвануть. Рюкзаки в зубы, на полусогнутых, опережая собственный визг...

Тут, наконец, узнаю Сибиэса. На какое-то мгновение исчезает занудная маска фаталиста, взгляд твердеет, еще секунда – и, как в былые дни, прозвучит команда...

Нет, не прозвучит. Сибиэс оглядывает наш мирно расположившийся на лавочках, покорившийся судьбе табор – и ничего не произносит. Понимаю его, – эту

публику поднять даже для легкого броска на соседний перрон невозможно. Эх, где наша гвардия!

И все-таки приказ Сибиэс отдает. Только приказ на этот раз касается лишь меня и Бориса.

Мы едем первыми. Недобитую гвардию – в авангард.

Итак, мы едем, в Херсонесе достаем ключи от сараев и любой ценой – последнее подчеркивается особо – задерживаем коменданта до приезда остальных.

Все ясно, мой генерал!

Рюкзак на плечи, вверх по переходу, прямо на толпу... Через пару минут протягиваю проводнику трешку, и мы с Борисом вваливаемся в абсолютно пустой вагон. Еще минута – и поезд, спотыкаясь, трогается. Вы как хотите, а я, во всяком случае, в Херсонес не опоздаю.

Борис смотрит на убегающий за окном перрон и замечает, что можно было увезти всех, вслед за чем извлекает из рюкзака карты, явно намериваясь соблазнить меня на партейку поездного «дурака».

Не знаю, прав ли он. Боюсь, даже будь я – чего не станется вовеки – начальником, поднять и разместить этот табор мы вряд бы ли успели. Правда, можно усадить в поезд десяток ребят поздоровее, чтобы привести в порядок наши сараи, пока остальные подтягиваются... Да что теперь об этом?

Вообще-то говоря, если б не Борис, я, наверное, тоже покорился бы судьбе. Его присутствие как-то мобилизует, из таких, как он, получают офицеры, что отстреливаются до последнего патрона. Вполне могу представить Бориса, скажем, среди последних защитников Крыма от орд Фрунзе и Миронова – тех, что отбивались, стоя по горло в ледяной ноябрьской воде. Поэтому именно Борис – моя правая рука, без которой мне пришлось бы туго, особенно после исчезновения руки левой – Юры Птеродактиля. Конечно, Борису далеко до Птеродактиля, у которого за плечами десяток экспедиций, да еще работа у самого Слона. Но – не подведет.

Познакомились мы в лаборатории Маздона. Время от времени я забегал в гости к нашему фотографу и заставлял там взъерошенного студента-химика, который регулярно прохаживался по поводу истории, историков и преподавателей истории в особенности. Мне было что ответить по адресу химиков, и беседы наши проходили очень оживленно. К Маздону забегал не только я, – херсонеситы нынешние и бывшие захаживали к нему на огонек попить чайку, посмотреть новые снимки и покалякать о Херсонесе. Очевидно, наши разговоры были не столь безобидны, поскольку уже через полгода Борис заявил, что ему было бы интересно поглядеть на наши херсонесские безобразия. Эта мысль в конце концов засела в его химической башке настолько твердо, что через пару лет он, действительно, оказался в Херсонесе.

Десять лет назад, когда для меня Херсонес был еще чем-то новым, все время, проведенное в электричке, уходило на созерцание заоконных видов. Действительно, для новичков тут есть что посмотреть, но мы с Борисом уже давно не новички, так что незачем в окно пялиться. «Дурак», правда, дело дурацкое, куда полезнее достать карандаш... Интересно, разберу ли я свою стенографию?

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С.3-4.

...Естественно, скифская версия повествует о полном о окончательном разгроме агрессора, спасение которого от гибели объясняется лишь недальновидностью и своекорыстными интересами греков, сопровождавших Дария в походе. В итоге следует очередная вендетта, на этот раз скифская – «ишкуза» мстили местным коллаборационистам.

Этот рассказ поневоле вызывает желание совместить его с подлинными географическими и археологическими реалиями Украины. Подобных расшифровок, в том числе попыток нанести события войны на карту, имеется множество, некоторые из них поистине виртуозны. Правда, их достоверность едва ли выше, чем у попыток найти точное место боя Ильи Муромца с Соловьем-разбойником, Одихмантьевым сыном, или разобраться в событиях Второй мировой войны по советской исторической литературе.

Примечательно, что другие античные авторы представляли себе скифо-персидскую войну совершенно иначе. Достаточно вспомнить сухого реалиста Страбона, который вообще не считал, что персы продвинулись вглубь скифской территории сколько-либо далеко.

В подобных случаях в первую очередь хотелось бы выслушать противоположную сторону. Мнение царя Дария сохранилось: он без малейших колебаний зачисляет «заморских саков» («сака парандрайя») в число покоренных народов. В своей победе он не сомневался...

Борису скучно, и призрак «дурака» вновь начинает заглядывать через плечо. Отмахиваюсь – равно как от попытки завести экстрасенсорную шарманку. Экстрасенс из него приблизительно такой же, как из меня. Правда, Великий Шаман Паниковский, наш херсонесский гуру, пытался учить, да так и не выучил. Насморк вылечить – еще куда ни шло, а вот стену найти под метром суглинка... С Паниковским, может, и вышло бы чего, да где он теперь? То ли женился, то ли вообще пропал.

Так что лучше подумаем о ближайших планах. Приказ вождя ясен – ключи добыть, коменданта задержать. Ну, коменданта, а точнее, комендантшу Олю задержать не составит труда, а вот сараи... Это уже нечто из Геракловых подвигов.

Самое обидное, что эти три дрянных сарая с бетонным полом и выбитыми оконными стеклами давно записаны за нами. Так-то он, конечно, так. Но ведь это Херсонес!

Везде своя власть. В Херзаповеднике (или Хермузее, это кому как больше нравится) таковая тоже имеется – директор, бывший партийный функционер, которому положено разбираться во всем, даже в археологии. Но в нынешнем Херсонесе у него столько же влияния, сколько в древнем у архонта-базилея, так сказать, и. о. царя. Нет, он вообще-то старшой, но негоже старшому самому решать вопросы. Для этого ему положены аж три заместителя, каждый чем-то занимается, но все же и эта власть слишком высокая. С ними надо решать вопросы глобальные, но таких у нас бывает мало, разве что один вопрос за сезон. А вот сараи... И тут начинается реальная власть – комендантша Оля. Люди свежие, Херсонеса не знающие, и вправду подумают, что ежели директор,

скажем, о сараях бумагу подписал, то комендантша, ну прямо-таки обязана эти сараи выделить. В общем, обязана, конечно, но... Но есть еще истинный хозяин всей этой грандиозной свалки, именуемой Хермузеем.

Гнус.

Гнусу надо посвящать оды – или трагедии. Не в прозе его воспевать! Борис, записывающий наши херсонесские байки, назвал его императором Гнусом Первым. Эх, Херсонес, Херсонес, не везет тебе на владык!..

...Гнусен, отвратен, омерзителен, отвратителен, пятно на рубашке, бельмо на глазу, позор Херсонеса, надменен, нахален, лжив, труслив, подл... Тресни херсонесская скала, поглоти урода!..

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С.4.

...Но даже если принять за основу скифскую версию событий, изложенную Геродотом, то сквозь былинный тон проступают вполне прозаические обстоятельства:

Скифия оказалась не готова к войне. В политическом плане далеко не все союзники выдержали это испытание. Агафирсы, невры, андрофаги, меланхлены, а также тавры, не прислали своих войск, мотивировав это нежеланием участвовать в конфликте.

Очевидно, сработал предлог, выдвинутый Дарием – скифские союзники не собирались участвовать в сведении давних счетов между скифами и персами. В результате вся северная и западная часть Великой Скифии сохраняла нейтралитет. Собственно скифских войск оказалось недостаточно, чтобы принять открытое сражение.

Тактика «заманивания» не была такой уж выгодной для скифов. Она вела к опустошению страны, вдобавок не помешала персам проникнуть достаточно далеко вглубь Скифии, сжечь какое-то деревянное укрепление и вызвать паническое бегство нейтральных меланхленов, андрофагов и невров...

На севастопольском вокзале бредем сквозь толпу к площади, где обычно можно поймать сговорчивого частника. Повезло! Нам в Херсонес. Да, прямо к воротам. Да, археологи... А как с куревом? Спасибо, у нас тоже.

«Жигуль» мчит то вверх, то вниз, подчиняясь прихотливому городскому рельефу. Эх, сколько раз видено, будто и не уезжал! Панорама. Площадь Ушакова... Ага, винный отдел! Толпа, если следовать Булгакову, не чрезмерная – человек в полтораэта. Та-а-ак... Ну, сворачиваем, теперь прямо.

...Пожарова, маленькая церковь у православного кладбища. Караимское кладбище, серые невысокие надгробия, поросшие травой, на которой всегда сидят желтые улитки. Сейчас справа будет вид на бухту и там... Вот он – собор Владимира! Как ты еще умудрился уцелеть на пятом году перестройки и третьем году реставрации? Теперь налево... Магазин «Юбилейный»... Школа подводников... Древняя... Улица такая – Древняя, живут отставники, сдают сараи за безбожную цену. Еще поворот... Все! Ворота!

Небольшая площадь заполнена пляжниками и туристами, тут же лавчонки с сувенирами, продавцы каких-то билетов – на спектакль среди херсонесских руин, наверное. Вот оно, детище Гнуса! Ну ладно, рюкзаки на плечо... Ничего, Борис, мы уже почти дома.

В воротах все та же тетка, которая никогда никого не желает запоминать, хотя вообще-то мы должны были ей примелькаться еще лет восемь лет назад. Впрочем, достаточно грозно вымолвить: «харьковская экспедиция»...

Харьковская экспедиция!!!

Вид у нас внушительный, рюкзаки и штормовки говорят сами за себя... Переступаем порог. Прямо – собор Владимира, справа – наш бывший и будущий раскоп, а мы... А мы пойдём налево, где такая прекрасная тамарисковая аллея, где руины театра, найденного Акеллой, и где наша конечная цель – эстакада.

Эстакада... Слово это надо писать с большой буквы – Эстакада. Когда-то, еще два года назад, именно на Эстакаде собирался весь Хергород. Здесь играли и пели наши гитаристы – Саша, Дидик, Принц. На Эстакаде так хорошо было смотреть на метеоры, устраивавшие свои ежегодные июльские налеты. По-

моему, астрономы зовут этих постоянных гостей Персидами. Так здорово было загадывать желания!..

Теперь Эстакада имеет грустный вид – здесь явно что-то жгли. Консервные банки в обрамлении жеваных газет... Варвары, дикое скопище пьяниц!

...Заплювали, забросали, закидали банками, бутылками, окурками, объедками, мерзостью, дрянью, своей отрыжкой, своей блевотиной, сволочи, мерзавцы, ублюдки...

Ладно, эмоции потом. И что мы видим? В нашем большом сарае уже явно кто-то проживает, кажется, нас туда в этом году не пустят...

...И вам привет! Это хорошо, что из Ленинграда. А вещи мы пока оставим. Ну, Борис, пошли ловить комендантшу.

Это – самая легкая часть из всего намеченного. Застаем Олю на месте и передаем ей грозным голосом наказ Сибиэса. Его слово здесь еще имеет вес. Оля мрачнеет – она, конечно, уже готова отчалить – но обещает подождать. Заодно узнаем, что, кроме трех сараев, нам еще полагается Слоновья Веранда. А это уже для нас – для Маздона, Бориса и для меня, ну и, конечно, для Луки, когда он изволит прибыть. В общем, барские палаты для офицерского корпуса. Когда-то с нами квартировал и Сибиэс, но уже два года он предпочитает жить в городе у родителей – наша экзотика его уже не вдохновляет.

Но Веранда не убежит, – вперед, на сараи!

Все оказывается проще, чем думалось. Прямо у сараев встречаем знакомую плюгавую фигуру – Его худосочное Величество Государь Император Гнус Первый. И Последний, надеюсь. И вам день добрый... Да-да, насчет сараев. Ага, за ключи спасибо.

Не верится. Чтоб так сразу! Что-то тут не то, ох, не то!..

Загадка решается быстро: полдюжины орлов из Золотого Легиона – кагала Его Величества – и расторопно выносят из трех наших пещер все – от кроватей до лампочек. Гнус довольно разглядывает происходящее, любезно поясняя, что сие

принадлежит конечно же, его экспедиции. При этом мы узнаем от него же, что кроватей, как и матрацев, в заповеднике нет и не будет.

...Врет! Есть и даже будут. Достанем! Но все таки жалко, что время раскулачивания минуло. Так и записался бы в большевики на полчаса, дабы Гнуса тряхнуть, а потом, согласно идее генерала Чарноты, тут же обратно бы выписался. Ну, все, отчалили крохоборы! Рюкзаки в сарай, плавки достать – и куда? Правильно. Именно на скалу, на наши камни, конечно, не в лягушатник же. На камнях хоть вода чистая!

В воду!

...Когда часто, то есть не реже раза в год едешь на море, запоминается только первое купание – и последнее. В этом году первое купание приятно вдвойне: и от самого факта хорошо, и от воспоминания о том, что наш грозный коллектив еще только грузится в электричку. Расторопнее надо быть, господа гусары! Ну, еще разок, а там на берег – и можно перекурить.

Осмотр сараев дает поразительные результаты: в одном из них уцелела розетка. Если бы мы нашли золотой саркофаг или Гнус оставил бы пару кроватей, я удивился бы меньше. Розетки тут – мало сказать non grata. Местный пожарник ежедневно обходит с плоскогубцами все сараи и все, что видит, режет под корень, дабы не возгоралось. Года четыре назад наши художники поглумились над Иродом, – нарисовали розетку, да такую, что только на ощупь понять можно. Ох, и было же тогда! О великий и могучий русский язык... Что они в этом году, нух потеряли?

Так или иначе, а кофе мы сварим, доставай, Борис, кипяtilьник. Да и перекусить следует. А там бросим спальник в тень нашей любимой алычи и будем ждать, чем все это кончится.

Хорошо! Тайм-аут среди этого бесконечного первого дня. Можно закрыть глаза – так лучше. А можно надвинуть кепку на самый нос – так еще лучше. Ну, можно спокойно поразмышлять...

...Хотя бы о том, что Веранда, когда мы ее, наконец, отобьем, наверняка ограблена поосновательнее. Конечно, в прошлом году мы достали все, что

нужно, и в лучшем виде передали наш боевой корабль комендантше Оле. Теперь, несомненно, там мерзость запустения, можно и не проверять. Значит, все по новой, а ведь здесь зимой даже со снегом проблемы. Не допросишься! Правда, снег тут редко идет, так что можно простить.

А можно подумать и о том, что, собственно, я буду тут делать. Год назад Д., получив свою долю власти – мою долю власти – согнал меня с Юго-Западного участка, который я копал два предыдущих года. Копал, копал и дошел до самого интересного – до эллинизма, до того самого эллинистического слоя, о котором мечтает каждый здешний археолог. Это должно было стать для меня заслуженной наградой, но Д. решил, что тоже таковой достоин и участок забрал. А мне с моими последними гвардейцами от щедрот своих позволил докопать мерзкое и совершенно запущенное помещенье, известное в нашем кругу как № 61-а. С мотивировкой, что раз я его начал копать еще десять лет назад, так я его и должен добить. Ну, конечно, это Д. тут новичок, я-то копал, считай, все помещения на нашем многострадальном участке, который есть район средневековых усадеб №№ 9, 10, 11...

Помнится, я озлился. Озлишься тут! Но меня недаром все годы считали удачливым – и ставили на самые безнадежные ямы. И Фортуна, херсонесская Фортуна, не подвела и в тот раз. Когда Борис извлек из мокрой глины фрагмент аттической вазы с двумя грифонами, у Д. отвисла его ответственная челюсть. И кроме грифонов было еще кой-чего, но главное – мы вышли на Стену Казармы, точнее на ее разобранную часть у самого фундамента. Вот этого-то Д. не ожидал, иначе черта с два пустил бы меня в это самое № 61-а.

Итак, Стена. Если бы Д. был начальником вместо Сибиэса уже в этом году, то не видать мне ее, как своих ушей! Правда, если подходить здраво, Стена не его, и даже не моя. Стена, вместе со всей южной частью Казармы, принадлежит Сибиэсу, и это именно ему полагается снимать научные сливки. Ну, копнем сперва, а потом и делить станет. Если будет что делить, конечно. Но об этом – завтра, а скорее всего, послезавтра, успеется еще...

А почему это, интересно, О. едет сюда без супруга? Не то чтобы странно, но все-таки...

...Два года, целых два года, редкие звонки, редкие встречи – под сырым харьковским небом, на в сыром харьковском асфальте. Чужой голос в телефонной трубке, чужой взгляд, чужие слова...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С.5-6.

...Между скифами и персами состоялись какие-то переговоры с вручением даров персидскому царю. Армия Дария благополучно вернулась назад, причем неоднократные попытки уничтожить или отрезать ее были совершенно неудачны.

Сам Дарий оценивал поход, как вполне успешный, а Скифию – как покоренную территорию. После окончания войны скифам пришлось разбираться с отпавшими союзниками, восстанавливая свое господство в Скифии.

Подобная картина случившегося мало походит на историю выигранной войны. Конечно, далеко не все эти факты, почерпнутые из текста «Истории» Геродота, подлинны. Вполне вероятно, что они лишь часть героического эпоса о скифско-персидской войне. Но уже то обстоятельство, что эпос позволяет вычлнить такие совсем не победные детали, свидетельствует, что подлинная история этой войны была куда суровее и печальнее для скифов.

Еще одно обстоятельство заставляет склоняться к этим «негероическим» выводам. Царь Дарий был опытным полководцем, имевшим большой стаж войн с кочевниками. Все его предыдущие войны с азиатскими саками и скифами были удачны. Едва ли скифская тактика заманивания была для него таким уж сюрпризом, а дары (мышка-норушка да лягушка-квакушка) – столь непонятными. Завоеватель Индии, усмиритель мятежников, расчетливый и ловкий политик ничем не походил на тупого самодура из Геродотова рассказа. Мощь его империи и поистине непобедимой армии едва ли могла быть сокрушена хитромудрой тактикой «ишкуза». Скорее всего, поход достиг своей цели, и скифам пришлось заниматься некоторое время своими внутренними проблемами...

Однако же, что-то там, за моим козырьком происходит. Ну, конечно, первые эшелоны нашего полка, так сказать, подползают. Привет, привет, водичка превосходная! И Сибиэса нет? И Д.? Ну Д. – то приедет, надо же ему домочадцев размещать. Ага, Сенатор с семейством, этим-то апартаменты готовы... Что,

Маздонушка? Не подали тебе «мерседеса»? Конечно, маздоны они все, и коммунисты проклятые. И лавочники тоже. И жить нам негде покуда. И ноги твоей больше здесь не будет. И Ведьма Манон во все виновата... Давай-ка лучше кофий сварим, тут и розетка есть...

Наконец-то и Д. собственной персоной. Вот и ключи, прошу. И комендантша на месте, так что, давай, команду личным составом, а то они сами не догадуются, как нужно вещи вносить в сарай. А вот кроватей нет. И лежаков тоже. А вот нет – и все.

Ладно, пора и о себе позаботиться. Посылаю Бориса к комендантше на предмет ключей от Веранды. Увы, ни ключей, ни комендантши. Ну, ничего, собственный глаз тоже не помешает, посему направляемся напрямик к нашему будущему обиталищу. Вот она, родимая! Никак тебя покрасили? И стекла вставили? Эх, если бы еще три-четыре лежака...

Лежаков, конечно, нет. Нет, впрочем, и замка, так что зря мы искали какие-то мифические ключи. Скобы для замка тоже отсутствуют. Да-а, поработали основательно!

Внутри, как и полагается: бутылки пустые, банки консервные, также пустые, и эти самые, которых в аптеках не сыщешь, естественно, использованные. Пол голый. И грязный.

Очень грязный...

Маздон скис. Бедняга! Ездить столько лет – и каждый раз начинать с уборки свинюшника. Ну, это ничего, вспомни, Маздонушка, как мы с тобой в старом гараже жили, в котором стены не было. Тут хоть стены на месте.

Прежде чем объявить коммунистический субботник, да что там субботник – абордаж! – собираем военный совет.

Обстановка – нет ни черта.

Задача – достать хоть что-нибудь.

Дополнительная информация – никто ничего не даст. А вот побить могут.

Совет не затягивается. За неимением иных вариантов остается одно – экспроприация экспроприаторов. Вокруг – штук пять сараев, на некоторых даже нет замков. А где замки, там можно и гвоздем открыть – согнутым.

Ну, с песней! «Пятнадцать человек на сундук мертвеца!...»

...Грабь, хватай, экспроприируй, уноси, пионерь, казачь, тырь, гребни, все наше, всюду наше, тащи, кидай в кучу, еще, еще, еще!..

Добыча превосходит все ожидания. Борис волочит откуда-то тумбочку, я извлекаю из старой летней кухни превосходный стол. Вскоре к нему присоединяется стул. Ведро – старое, но для мусора сгодится. Веселей, флибустьеры! Ага, в этом сарае даже замка нет... Лежаки! Правда, не совсем лежаки, но так даже удобнее – с откидными краями и местом для вещей. Один, второй... Говорят, на таком сам Слон спал... Третий... Нужен четвертый – для Луки. Та-а-ак, придется в окошко влезть. Ничего, здесь уже лазили. Вот и четвертый!.. Заодно и вешалку прихватим – и будет совсем как дома. Борис, рви к черту петли для замка, небось, это наши и есть, с Веранды снимали, умельцы!..

Вскоре добыча доставлена и размещена, теперь можно посылать Бориса за ведром морской воды. Пресной нет и пока не будет, днем краны здесь сухие. Благо, веник и чистое ведро мы уже успели позаимствовать ранее – из экспедиционных, так сказать, фондов.

Солнце уже начинает валиться за обрыв, когда Веранда приведена в относительно божеский вид. Конечно, нет ни матрацев, ни подушек, ни прочих предрассудков в виде простыней и одеял. Нет замка, нет даже лампочки, но это дело наживное. В стены врезаются гвозди, – коробка с гвоздями всегда с собой, как и топорик. Впрочем, пустой бутылкой тоже хорошо заколачивать. Вон их тут сколько!

Вдали, у сараев, хорошо видных с нашей горки, – знал, знал Слон, какое место для жилья выбирать! – видна какая-то суета. Наша молодежь тоже что-то достает, копошится, кучкуется. Какой-то грузовик – подумать только! – чего-то им привозит... Еще совсем недавно доставали все для всех, и всем хватало. А теперь каждый грабит в одиночку.

Две экспедиции – констатирует Борис. Две экспедиции: наша – из недобитых ветеранов, и эти, юные. Иногда Борис умеет говорить формулами.

...И наступает первый херсонесский вечер. Откуда-то из ранних сумерек появляется цикада и начинает свое соло, затем соло превращается в дуэт, вступает хор...

Может быть, я сюда именно из-за этого и ежу – из-за цикад. А греки, недотепы, их лопали. Жареными в масле. А еще гордились тем, что умеют ценить прекрасное!

Над храмом Владимира сгущаются сумерки, так и ждешь, что из-за горизонта появляется рогатая Луна, но сейчас не ее время, она вынырнет лишь под утро, через пару дней новолуние, когда мертвый город погружается во тьму. А вот когда Луна в силе, здесь наступают бесовские ночи!

...Холодный лунный огонь на траве, холодный лунный огонь на камнях, холодный лунный огонь на море... Лунный потоп, лунный шабаш, лунный Армагеддон...

Рабочая тетрадь. С.3.

...Первое экстрасенсорное исследование Казармы следует провести до начала работ на раскопе, поскольку пока объект покрывает трава, эксперимент будет более чистым, строительные остатки не будут видны и не станут «подсказывать» решение.

Целесообразно начать с южной части Казармы в связи с тем, что ее северная часть сохраняет средневековую застройку, не позволяющую ориентироваться в

более ранних строительных периодах.

Установка: стена – «свет» и «тепло». Конкретная задача – южный вход...

...Колокол? Ну, конечно, колокол, как же без колокола в Херсонесе? Какие-то варвары лупят булыжником на ночь глядя. Эх, народ-богоносец! Хоть бы в музей колокол-беднягу оттащили, ведь не простой он, на звоннице Нотр Дам де Пари красовался! Увы, теперь он тут, на берегу, подвешенный на бетонной дыбе, чтобы каждый ублюдок мог запустить в него камнем. И запускают.

Впрочем, говорят, скоро за право бросить камень будут брать по пятаку.
Перестройка!

...Над сумеречными руинами – голос мертвой бронзы, голос мертвой памяти, оскверненной, выставленной на посмешище. Камни бьют в бронзовую плоть Прошлого, оставляя вмятины, уродуя, превращая в ничто, в забаву, в бесполезную погремушку. Порушенный город, порушенный монастырь, порушенная память, порушенная страна...

Теперь остается одно – покурить. Покурить на старом нашем месте, возле источника с затейливой татарской надписью на белом мраморе, где когда-то ежи ночами ходили на водопой. Сейчас источник высох, бедняга, бедняги-ежики напрасно заглядывают сюда по старой памяти. Источник, рядом – Дерево Фей, где мы каждый год оставляем что-то из вещей, чтобы обязательно вернуться...

Хорошо курится. И сигареты еще есть, недели на две, глядишь, и хватит...

...А кто это там на тропинке, а, Борис? Темновато, правда, но ошибиться невозможно. Он, он собственной персоной!

Лука! Долгожданный! Ну, будет дело!..

Обнимаемся. Лука догнал нас на аэроплане – как и обещал. Хлопаю его по еще более округлившемуся комку нервов на животе и рассказываю о наших успехах. В ответ Лука лишь усмехается в свои тюленьи усы. Еще бы! Ему наша возня с

лежаками и тумбочкой – детский утренник.

Тюленьи усы многообещающе шевелятся. Лука бросает свои вещи – ну и наволок же всего!...

...И устремляется вместе с Борисом в ночную тьму

Через полчаса гонцы возвращается с лампочкой и двумя одеялами. В следующий набег Луку сопровождаю я. Во всем происходящем понимаю только одно – невесть откуда невесть кто выносит нам очередную пару одеял, подушку, еще подушку... Нет слов!

Последний вояж приносит нам еще пару матрацев. Самый упитанный Лука по праву берет себе. Да, Лука, конечно, велик – по крайней мере, в некоторых вопросах. Там, где появляется он, все необходимое выныривает из-под земли и прыгает прямо в руки. Впрочем, это лишь одно из его достоинств. Иные же... О них мы, без сомнения, тоже скоро услышим.

Сегодня у нашего Лукин прекрасное настроение. Вырвался! Причем вырвался сам, оставив Гусеницу, свою законную супругу, в Харькове. Лука уверяет, что напугал ее предстоящим землетрясением. Это едва ли – Гусеницу землетрясением не напугаешь. Но – факт налицо.

Переглядываемся, шелестим купюрами.

За воротами «Легенда», на нашем – «Легендарий», кооперативная кафешка, где наливают в любое время дня и ночи. Не по карману, конечно, на ради первого дня...

Лука решительно заявляет, что завтра же возьмет вопрос под свой личный контроль.

Мы сидели на камне и пили вино,

Оставляя в стаканах лишь грязное дно.

А вокруг нас лежат те, что прежде гуляли.

Что ж, и нам этот путь всем пройти суждено.

В давние-давние времена, когда нашу армаду водил сюда сам Старый Кадей, на второй день после приезда мы уже спешили на раскоп. Теперь времена иные – осваиваться будем не меньше трех дней. К тому же воскресенье грядет. Гуляй – не хочу!

Впрочем, пока это я так размышляю и предаюсь утреннему безделью, лежа на продавленном матрасе, неугомонный Лука, мобилизовав Бориса, уже что-то вовсю громит в соседнем вагончике. Ага, дело важное – оттуда извлекаются такие полезные вещи, как лишние гвозди, вешалки и прочая нужная мелочь. Все верно, надо успеть выгрести побольше – вот-вот приедет следующая команда, а лишних вещей в Хергороде не будет. Что ж, когда Лука в хорошем настроении, он может все – или почти все. Вот и сейчас, пока я продираю глаза и пытаюсь умыться пайковой кружкой воды – краны по-прежнему сухи и оживать не собираются – он уносится вдаль и вскоре возвращается с каким-то подозрительного вида замком. Нет слов!

После некоторой реанимации замок начинает открываться. Лука, ежели ему, конечно, верить, выпросил его на военной базе, не иначе в школе подводников, что аккурат за забором. Так ли это, не знаю, зато теперь наш корабль укомплектован полностью.

Пока суть да дело, появляется Сибиэс. Он еще более мрачен, чем вчера и, повторив, что экспедиция не заладилась с самого начала, радуется тем, что, может быть, придется уезжать обратно. С питанием – швах, воды нет... Ну, с питанием у нас каждый год – швах, потому как готовить сложно, а столоваться почти что нигде. С водой похуже, но... Но и не такое видели. Так что, никуда мы не уедем, не впервой. А ежели что – пусть Сибиэс увозит молодняк, мы тут и сами накопаем... Расстроенный вождь бредет куда-то вдаль, пообещав мобилизовать Сенатора на поиски воды и пищи, словно мандат нашего Шарапа способен организовать починку усопшего водопровода! Хотя... Кто его знает, а вдруг?

Направляемся на пляж, вернее, на наши столь знакомые камни. На пляж пускай студенты-практиканты ходят, на скале и привычнее, и вода тут лучше. Да и публика знакомая. Гнус уже занял боевую позицию, усевшись на старый моноласт и разглядывая публику сквозь задымленные очки. Сколько его помню, Гнус всегда торчит на одном и том же месте, а ежели кто-то по

недомыслию пытается сие место узурпировать, начинает вопить – тонко так, противно...

С Гнусом все ясно. А что там в море? Ага!

На рейде, как обычно, что-то то ли авианосное, то ли авионесущее. Несколько лет назад тут болтался «Киев», его сменил «Минск», затем «Баку», а вот в этом году новинка в географии, – «Тбилиси». Защищает нас от супостатов. Пусть защищает, лишь бы мазут не спускал. Ну, в море!..

...Податливая теплая вода, податливая теплая твердь, податливое вечное лоно... Мы снова здесь, мы никуда не уезжали, мы всегда тут были, мы...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С.7.

2. Херсонес и греческие колонии Понта.

Мирная эпоха греческой колонизации Северного Причерноморья завершилась в IV в. до н. э. Интересы отдельных греческих государств быстро пришли в противоречие. Если между Ольвией и относительно далеким Боспором особых противоречий не замечалось и отношение этих родственных (ионийцы из Милета) полисов были вполне нормальными, то молодое и весьма агрессивное херсонесское государство с самого начала не собиралось считаться с интересами соседей. Херсонес был не только «поздним ребенком» среди греческих городов Причерноморья, спешащим догнать своих «старших братьев». Он был также и своеобразным «анфан террибль» среди эллинских полисов. В этом смысле репутация Херсонеса оставалась стабильной в течение всех веков его существования. Херсонеситы постоянно конфликтовали с Ольвией, Боспором, затем с Римом, а позже с Византией и Русью. Трудно сказать, чем вызвана явная некоммуникабельность этого греческого города. Может быть тем, что с первых лет существования его населению приходилось вести настоящую борьбу за выживание с их соседями – таврами, вдобавок сказывалась и племенная рознь – дорийцы-херсонеситы не воспринимали ионийцев, как вполне «своих». Во всяком случае, репутация Херсонеса, как надежного союзника и

подданного была, вероятно, самым стабильным достоянием этого города. Доходило до трагических курьезов. Византийские императоры разрабатывали целую систему мер на случай очередной измены херсонеситов и, одновременно, «каган россов» Владимир избрал именно этот город для демонстрации силы в борьбе с греками. Впрочем, это не помешало Херсонесу просуществовать до начала XV века и пережить всех своих «старших братьев» из числа эллинских полисов.

В IV веке до н. э. херсонесская история еще только начиналась, но это начало было весьма бурным...

Жара крепчает, и ехать в орденоносный Севастополь нет ни малейшей охоты. Ей-богу, был бы рад, ежели Херсонес стоял в степи, и чтоб на три дня пути вокруг было пусто. Но Лука тут же разбивает мои пораженческие доводы, напоминая, что в степи живительную влагу «не продают».

В Себасте еще пару лет назад тоже «не продавали» – в единственный соответствующий отдел на Пожарова сходился весь город, доходило чуть не до смертоубийства. Да и теперь немногим лучше – в центре «продают» только в одном месте, и очередь там уже с утра – мавзолейная. Но что делать?

Автобус мчит быстро, и вскоре мы уже в центре. Большая Морская (попросту – Бэ Морская) на месте, все по-прежнему, вот только кооператоров погуще стало. План ясен – перекусим в первой попавшейся забегаловке, где тараканов поменьше, а затем круг почета по магазинам. Занятие пустое, но надо уважить Луку. Это его любимое дело, тем более что он, с его фортуной, способен выудить кое-что интересное даже из здешних вымороченных точек. Впрочем, на этот раз Луке не везет. Времена пошли крутые, сигарет нет, пива, естественно, тоже... А это что за хвост? Все ясно, можно не спрашивать – «продают». А если по общепонятному – «дают».

Ненавижу севастиопольские очереди! Во-первых, они длинные. Во-вторых, каждые пять минут обязательно начинают кого-нибудь лупить. Ага, уже лупят! Грешно, конечно, лезть без спросу, но все же...

Переглядываемся. Дело мертвое, стоять – дохлый номер. Эх, были денечки!.. Ну что, по коням?

Э-э, нет! Лука явно что-то задумал. Но что? Он, конечно, почти маг, но такая очередь... Ежели что – как стану я перед вдовой? Может, не надо, а?

Но Лука уже решился. Сумку под мышку, червонец в карман. Ну, ни пуха!..

Лука камнем из пращи облетает очередь и исчезает в какой-то темной и весьма подозрительной подворотне. Нет, Борис, зря мы его отпустили, на части ведь разорвут. Бедная Гусеница!

...Липкая жара мешает дышать, ноги готовы проваливать сквозь асфальт, очередь стоит нерушимо... Хоть бы знать, что жив он, наш Лука! Вот, еще одного лупить начали. А хорошо бьют, с душой! Эх, город-Герой...

Лука! Живой!.. Живой-то живой, но, видать, не со щитом – в сумке пусто. Но он не сдаётся. Подмигнув нам и обойдя очередь с другой стороны, исчезает в соседнем магазине. Подземный ход ищет, что ли? Ну, это надолго.

Надо было, Борис, прямо домой ехать. Конечно, бутылка не помешает, даже очень не помешает, но не такой же ценой! Вон уже третьего колошматят... А ведь почти прорвался было! Не выйдет, здешняя публика немцев – и тех чуть ли не год сдерживала, куда уж тут без очереди... Разве что на танке. Лука, конечно, и танк может пригнать, с него станется...

Очередь все густеет, начинается истерика, особенно у тех, кто стоит подальше, кого-то скидывают с крыльца. Невысоко, и двух метров нет – но полтора точно будет. Вот-вот, Борис, и я о том. Так кому к вдове ехать?

Ну, хвала Творцу! Жив! Жив Лука наш! Что? Неужели... Есть? Есть!!!

Подробности потом. Ходу!

...Есть, есть, взяли, назло, несмотря, наперекор, наперекос... Ура!..

В автобусе лучше забиться в уголок, благо народу немного. Теперь можно и о подробностях. Лука – мастер чесать языком, но на этот раз его эпопея похожа на

правду.

...Первый этап – выяснит имя товароведа и заодно – завскладом. Второй этап – на склад.

А потом все просто. Сначала диким воплем «Зинка!» – или «Верка!» – привлечь внимание, а дальше, как говорят разведчики, «легенда». Например, про комиссию по закрытию Крымской АЭС. Глава комиссии артачится, нужно его ублажить, иначе излучать милирентгенны всему полуострову от Ялты до Перекопа! Ясное дело, тут никакая Зинка не устоит, равно как и Верка, это вам не тюльпаны в январе, жить здесь всем хочется, даже товароведам.

Лука – гений, никаких сомнений. Ну ладно, а чем закусывать будем?

Маздона на Веранде нет, видать, ушел в гости. Много у него тут знакомых. Раньше, правда, ежели он оказывался в нетях, можно было бы смело делать вывод, что он у Ведьмы Манон. Но это дела хоть и не очень давно, но все же минувших дней. Теперь он просто в гостях. Ну, спешить не будем, тем более Лука как-то странно посматривает, усиками шевелит, копытами бьет...

Рабочая тетрадь. С.4.

Предварительные соображения.

Экстрасенсорика в Херсонесе давно стала популярной. Даже если не обращать внимания на постоянные публикации о разного рода «фантамах», наблюдается вполне реальные ежегодные скопления «колдунов», «магов» и прочих Нострадамусов. Наиболее характерное занятие – «подзарядка».

«Подзарядка» практикуется двух видов: от развалин и от Луны. «Лунники» чаще всего собираются возле храма Св. Владимира. Что интересно, «подзаряжаются» они чаще всего не в обычной позе адорации (левая рука вытянута вперед, правая согнута в локте, ладони прямые), а в позе «немец под Москвой» (обе руки вверх, полусогнутые, пальцы почти прижаты к ладоням).

Объяснения:

Прежде всего, конечно, мода на подобное, а также привлекательность старых развалин для любителей подобной экзотики. Вместе с тем:

- Херсонес находится в зоне мощной магнитной аномалии.

- Само существование города на протяжении двух тысяч лет неизбежно внесло серьезные изменения в энергетику места. Можно как угодно относиться к экстрасенсорике, но жизнь и смерть сотен тысяч людей не могла не отразиться на том, чем сейчас стал Херсонес. Иное дело, все читанные и слышанные «теории» для объяснений не годятся.

Прикладной экстрасенсорикой для нужд археологии никто в Херсонесе, насколько мне известно, еще не занимался.

Борис просит дополнить:

1. Два года назад наш общий знакомый В. проводил эксперименты с могилой Косцюшко.

2. Этой зимой по харьковскому каналу «Тонис» была показана передача об одной «кудеснице», снятой как раз на руинах Херсонеса. Дамочка, одетая во все черное, эффектно кружилась прямо на Крестильне Владимира.

Почему именно там? Ради кощунства?

Берем кружки, банку с ветчиной... Молодец, Борис, недаром ее сюда тащил! Водичку...

Пить в помещении пошло. Мы же в Херсонесе все-таки! Раньше, пока кураж был, потребляли все больше на Западном городище. Помнишь, Борис, какие там стены жуткие, когда Луна светит? А пьется-то как!.. Впрочем, и где-нибудь поближе пойдет не хуже. Ну, хотя бы там, прямо по курсу, где заросли. Во-о-он добрые люди и лежак поставили. Ну, двинули? Э-э, ты куда, Лука? Ладно,

догоняй, не заблудись только.

И вправду, место чудное – темно, тихо, какой народ и есть, то на море или у сараев... Как чем банку открывать, а мой нож на что? Ну и что, если без открывалки, а мы ее лезвием, лезвием, не впервой! Где же Лука?

Ждать Луку – последнее дело. Вообще-то говоря, на такое мероприятие грех опаздывать. Опасно. Ага, вот и он. Да не свались, здесь камни! Что? Ага, ясное дело...

...Причина задержки, конечно, более чем уважительная – для Луки, во всяком случае. Что ж, теперь у нас, выходит, соседи, а точнее, соседки. Не зря Лука копытами по земле скреб! Что, уже договорился? На чай, значит? Только не сажай их на мой лежак – мало ли что...

Борис, у тебя глаз-ватерпас, разливай. Ровнее, ровнее, ты же химик!.. Ну, поехали!

Что и говорить, водка в Херсонесе пьется не так, как дома. Словно вода – и не пьянеешь... Курнем, куда курево не кончилось! Когда кончится, придется тебе, Лука, ехать к командующему флотом, – он, кажется, курящий. Попросишь у него пару пачек...

Что ж, и все хорошее имеет конец. Нет, ребята, к соседкам я не пойду, давайте уж сами. Их две, вас двое, а я – уже перебор... Поброжу – сами знаете, как здесь вечерами дышится...

Итак, иду дышать.

Недалеко – тридцать метров вниз по тропинке. Монастырская стена, узкие ворота, две тропинки сходятся, ныряют к Итальянскому дворику.

Перекресток Трех Дорог – наше с О. место встречи, точнее, было таковым два года назад, но, кажется, время тут действительно стоит или ходит по кругу. Пусть Лука это обоснует с точки зрения физики, как раз на докторскую будет. А пока подождем, можно и на камешек присесть посреди травки. Тут уж никакая

собака не заметит. Эх, конспираторы!..

Рука, уже ныряющая в карман штормовки за отощавшей сигаретной пачкой, замирает.

Время идет по кругу – О. уже здесь. Словно и не расставались, не прощались тут же, у Перекрестка, когда она твердо решила, что все-таки выйдет замуж, а я – просто так, эпизод.

Впрочем, нет. Ничего не стоит на месте – и ничего не возвращается. Но рассуждать об этом совершенно не хочется...

...Прошлое в легкой зеленой штормовке, прошлое без улыбки на знакомых губах, прошлое, прижавшееся лицом к моей груди, застывшее, холодное, безмолвное. Призрак, эхо, мертвый болотный огонь...

...Поднявшись по ступенькам и предвкушая вечерний глоток чая, натыкаюсь на замок – тот самый, что Лука из школы подводников притащил. Очень приятно, ключ-то один, и он как раз у Луки. Ну ладно, Маздон мог и у своих знакомых заночевать, у него это часто бывает. Но где остальные, половина третьего все же!... Холмса бы сюда с его дедуктивным методом!

Впрочем, можно обойтись и без британской помощи. Где это те самые девицы проживают? Правильно, на втором этаже они проживают, вот и окна светятся... Лень идти, но надо же извлечь ключ!

Да, разгул в разгаре, разгар в разгуле. Ого, кажется, пили «шило», даже Борис слегка окосел! И вам добрый вечер – или доброе утро, как вам, милостивые государыни и государи, более по душе. Я бы, так сказать, не посмел бы, но... Во-во, именно ключ.

Ну что тут скажешь? Лука на боевой тропе. Ладно, подробности услышим завтра – в «Херсонесише беобахтер».

...«Херсонесише беобахтер» – наша любимая газета. Живая газета с бессменным главредом, супругой нашего уважаемого Сенатора Шарапа. Все новости,

благодаря ей, узнаются не позже чем через час, в крайнем случае, через полтора. Корреспонденты, конечно, тоже помогают. Эх, коммуналка!.. Иногда, правда, бдительность не срабатывает. Вот и о нас с О. в свое время как-то помалкивали. Впрочем, наверное, это все было в спецвыпусках для особо доверенных. Никак не поверю, что в Херсонесе можно что-либо спрятать. Положено прятать, другое дело. Ладно, пусть пишут, читаем!

А хорошо на нашей Веранде – или, как говорит Борис, на Фазенде. А что? Вроде как целый дом среди сада, рядышком море шумит... А ведь если бы Гнус не съел Слона, не видать бы нам Веранды-Фазенды. Могуч был Слон, страшен. Еще десять назад здесь всем заправляла легендарная тройца – Слон, Гнус и Шарап, тогда еще не Сенатор. Слон жил в этом доме, словно граф в Лангедоке. Все здесь кипело, гудело, иногда даже ревело, но порядок был железный, вокруг даже охрана бродила, из бравых «афганцев», которых Слон обильно угощал спиртом. Спирта же у Слона было – залейся, как и всего остального. Посторонних «афганцы» отсекали четко. Один раз бедняга Лука, попытавшийся пробраться к какой-то девице-чертежнице, улепетывал от них быстрее лани. Это с его-то соцнакоплениями!.. А копал Слон делово, на две монографии накопал. Вот тут Триумвират и распался. Гнус, ясное дело, озлился – сам-то он научной славой похвастать не может. Напустил он на друга-Слона комиссию, да не одну. И сколько Слон хоботом не размахивал, пришлось ему отсюда уходить. Говорят, все успокоиться не может, грозитя вернуться...

...Съели Слона, повалили, повязали, погнали пинками, выкинули, выбросили, вслед плюнули. Тараканы суеются в Слоновой берлоге – ушлые, хищные, мелкие, гадкие...

Неказист, тесноват херсонесский наш дом.

Даже койку свою ты находишь с трудом.

Ерунда! Не бывает уютней оазис

Между Сциллою «до» и Харибдой «потом».

Воскресное утро начинается с приступа поэзии. Лука, едва продрал глаза, начинает декламировать импровизированные вирши – естественно, о вчерашних своих похождениях. Лука – заслуженный херсонесский поэт. Лирика, правда, у него не очень удается, но что касается так называемой сатиры... Причем в самом прямом значении – про сатиров. Ну и про здешних нимф, естественно. Конечно,

главным героем поэт является он сам – на то и Лука. Жаль, цитировать его можно только в мужском обществе. Еще бы! ...Пусть даже кровь моя застынет в венах я буду трам-там-там на херсонесских стенах, когда взойдет Аврора золотая, я буду трам-там-там в тиши сарая... Золотая Аврора – смелый образ, однако!

Из прозаического комментария становится ясно, что поселившиеся рядом с нами залетные птички не имеют прямого отношения к археологии, зато знакомы с кем-то из окружения Гнуса. Вот и осели в этом богоспасаемом месте.

Борис слушает нашего акына с несколько скептическим видом, но помалкивает. Лука же смело строит планы – видать, и в самом деле встал на боевую тропу.

...Лука, Лука! Когда я впервые увидел тебя, а было это, – ох, и давно же это было! – ты и впрямь был хорош. Но все проходит, усатенький ты наш. Где твой, штилем поэтическим выражаясь, стройный стан? И откуда эти обвислые щечки? Да еще Гусеница за спиной... Отгусарил ты, Лука! И я отгусарил, только я это понял еще после Второго Змеинового года, а вот ты все дергаешься, приключения ищешь. Наше с тобой дело теперь – зимой на печке греться, летом в Херсонесе тихо копать, а вечерами чай с мятой пить. А ты все в бой рвешься!..

Итак, воскресенье. А воскресенья тут жуткие.

В Херсонесе вообще нельзя не работать – тоска съест. В воскресенье же сюда набегают стаи пляжников, всюду визг, лай – и так до самого утра. Раньше мы, как выходной, все в горы норовили, хорошо бы и сегодня. Хотя бы на Каламиту – не маршрут даже, прогулка. Что, решили? Часа в три тронемся, а пока можно и на лежаке поваляться, в потолок поглядеть, авось мысли в голову придут... Не на пляж же идти, надоело за все эти десять лет!

...Толпа, толпина, толпище, сонмище, сбор, сброд, угукают, агакают, визжат, верещат, вопят, гадят, пачкают, плюют, паскудят...

Рабочая тетрадь. С.4-5.

Исследования Казармы.

В 1906 году Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич прокопал очередную траншею в Портовом районе вдоль городской стены.

Копать траншеями – варварство, однако в случае К. К. – варварство неизбежное, поскольку монастырь требовал скорейшего окончания раскопок. Целью К.К. была башня Зинова, но в ходе работ его копачи наткнулись на огромные желтые блоки какого-то здания. К.К. раскопал его западную часть.

Название «Казарма» условное, поскольку существует предположение, что в здании находился гарнизон.

На самом деле Казарма (мнение Сибиэса, с которым я полностью согласен) – вероятнее всего не одно сооружение, а остатки как минимум двух. Первое – эллинистического времени и весьма непонятного назначения. Его особенности – огромные окна, находки многочисленных фрагментов статуэток, в том числе религиозного характера. Второе здание – перестройка II-III вв. н. э., которая и в самом деле использовалась для размещения стражи, о чем говорит наличие мостика между городской стеной и зданием. Вместе с тем, казармой оно быть не могло, поскольку римские войска размещались южнее, в Цитадели.

Задача – определить назначение и время постройки «первой», эллинистической Казармы. Для начала – закончить раскопки участка Стены (см. выше).

Лука просит добавить, что назначение «первой» Казармы очевидно – это лупанарий...

...Все это так, но, боюсь, Д. не даст мне даже пятерых. Конечно, люди нужны ему самому, а он теперь – заместитель. Остается рассчитывать хотя бы на двоих и, естественно, на Бориса, который просто-напросто отказывается подчиняться Д., что тому приходилось до поры до времени терпеть.

Нет, не пойду на пляж! Так и буду валяться. Тем более, солнце уже высоко, а обгорать – удовольствие ниже среднего...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С.8-9.

...Херсонес – самый поздний из городов, основанных греками-колонистами в Крыму. Из-за этого пришельцам не удалось найти места в относительно безопасном скифском окружении. Соседями херсонеситов стали тавры, с которыми греки не могли наладить контакт на протяжении всей истории.

Ранний Херсонес – небольшой город, располагался восточнее нынешнего храма Св. Владимира. Портовой части и на северной стороне находился некрополь. Стена окружавшая город, была невысокой и наскоро построенной, поэтому уже в IV в до. н. э. встал вопрос о строительстве новых укреплений.

Население раннего Херсонеса едва ли превышало 1, 2 тыс. чел. Считается, что город основали 400 семей из Гераклеи, во всяком случае именно столько участков было размежевано на Маячном полуострове. Население делилось на 4 сотни (гекатойи). Существовали три филы (городских объединения), называвшие, возможно, по примеру Гераклеи, Фивийской, Дионисийской и Мегарской. Иной вариант: филы гиллеидов (Геракла), диманов (Аполлона) и памфилов (Деметры)

Кроме полноправных граждан в Херсонесе жили периэки, возможно, греки не из Гераклеи...

На Каламиту идем в самую лютую жару, когда хочется одного – лежать в тенике на топчане и мечтать о вечерней прохладе. Но расслабляться грех, к тому же надо постепенно набирать форму – впереди маячат горы, настоящие, куда не сходить поистине грех. А для тренировки и Каламита сойдет. И Борис там еще не был, и Луке, дистрофику нашему, следует встряхнуться.

На Каламиту можно идти с закрытыми глазами – места знакомые. Да и что по дороге смотреть? Хилые инкерманские сады? Адову пасть известнякового карьера? Лучше так и идти с закрытыми глазами прямо до каламитской горы. Тут можно глаза открыть и смело лезть вверх. Благо, невысоко – не Мангуп и даже не Чуфутка.

...Ну вот, Борис, это она и есть. Негусто нам оставили предки, но в Балаклаве и того меньше. Конечно, Лука, в Балаклаве можно купить пиво... Только это раньше его можно было купить, теперь разве только ты выдашь себя за внука командующего флотом... Да, турки тут тоже были – это, собственно, их башни, но до этого несколько веков хозяйничали теодориты. Были и такие, ни в одном учебнике, правда, не встретишь, но были, княжество Теодоро, Твердыня Господня. Стерегли вход в Инкерманскую бухту, все с генуэзцами грызлись, пока турки и тем, и другим чесу не дали. Совершенно верно, это монастырь. То есть был, и прикончили его, естественно, не турки.

...Стены, разбитые снарядами, стены сокрушенные бульдозером, стены, оскверненные похабными граффити, стены рухнувшие, в серой горькой пыли, в зеленых пятнах колючек, бесполезные, бессильные защитить и уберечь... Твердыня Господа – мерзость запустения...

Верно, закат тут красивый. Все, что осталось здесь красивым – это закат. Не добрались пока до солнца! Ну-с, можно спускаться. Не отставай, Лука, понимаю, что дверь узкая, а ты бочком, бочком...

Рабочая тетрадь. С.5.

Каламита.

Пещерный монастырь Св. Климента Римского. Церкви Св. Георгия и Св. Мартина. Наиболее ранняя датировка – XII в., вероятно все же – на два века позже. Наиболее близкие аналогии – пещерные храмы Каппадокии. Уникальная форма креста в церкви Св. Мартина.

У подножия горы – монастырь XIX в. На вершине – скит.

Хуже, чем два года назад. Фрески в пещерном храме выжжены. Смотреть нечего...

С Каламиты возвращаемся уже в сумерках. Маздон ждет нас на Веранде. Наш фотограф ворчит – и заваривает чай с мятой. Это его фирменный чай, тем более, мята здесь отменная, да и сахар пока еще есть. Живем!..

Маздон и вправду ночевал у своего знакомого пожарника – того самого Ирода, который так не любит розетки. Впрочем, как выяснилось, пожарник – тоже изрядный маздон и даже коммунист проклятый. И все прочие – тоже!

В прежнее время после такого заявления Маздон брал спальник и уходил ночевать куда-нибудь на Западное городище. Неужто и в этом году опять? Если так – силен!

Лука, лишь отхлебнув из кружки, начинает суетиться – спешит на боевую тропу. Но Борису данный вариант уже явно надоел, да и в этот вечер у нас с ним есть куда более интересное дело, чем охота на перезрелых девиц.

Перекуриваем. Лука, резво перебирая ножками, направляется куда-то за угол...

Рабочая тетрадь. С.5-6.

...Экстрасенсорное исследование Казармы.

Время – 21.00 – 21.35. Погода – ясная, ветра нет. Освещение – минимальное. Цель – поиски южного входа. Каждый из нас действовал по очереди, не сообщая о своих выводах.

Оценка виденного:

Цвет стен – светлый, белый (я), светлый, желтоватый (Борис). Ясно ощущается тепло. Развалины Казармы на удивление «теплые», не найдено ни одного «холодного» участка. Мы исходили из уже установленного эмпирическим путем правила, что место входа в здание всегда несколько «теплее», что проверялось неоднократно, в том числе и в Херсонесе.

Вероятное расположение входа – южная стена пом. № 60. Размеры – 2, 2 м.

Предположение выглядит несколько неожиданным. Возможность такого никогда не обсуждалась, Сибиэс и Д. считают, что ворота должны находится западнее приблизительно в 20 метрах.

Перспективы реальной проверки минимальные, поскольку именно в этом месте внешняя стена Казармы разобрана полностью, включая фундамент. Вместе с тем, даже предположение о наличии входа (точнее, ворот) именно у южной стены пом. 60 позволяет сделать некоторые любопытные выводы, о которых ниже.

Субъективное впечатление: чистота эксперимента все-таки сомнительна, мы могли «увидеть» и «почувствовать» не остатки входа, а что-то совсем иное...

Мы сидим с О. как когда-то, на моей штормовке, говорить нет охоты, да и не о чем. Даже странно, что мы с ней могли когда-то досиживать вместе до рассвета. Почему-то хочется спать, хотя раньше думалось, что в Херсонесе спать хочется только утром, когда надо идти на работу. Впрочем, днем тоже хочется, и даже вечером. А вот ночью...

...Ночной Херсонес не похож на дневной. Тьма зализывает раны, и мертвый город становится как-то выше, серьезнее. Страшнее... Конечно, в центре, где все уже копано-выкопано и цементом залито, спокойно, приятно, туда и гулять все ходят. В монастырском саду прямо чистый рай, недаром его Гефсиманским прозвали, каждую ночь милиция парочек оттуда гоняет. Этот, ближний Херсонес даже ночью тихий, какой-то ручной. А ежели пройти от нашей Веранды налево да за холм перевалить – вот там, посреди мертвого, не копанного никем Западного городища, – там лирики мало. Зубья стен в лунном свете пострашнее здешних привидений, мертвая желтая трава кажется каменной. Херсонесская саванна...

У западных стен мы часто любили собираться ночью. Давно, правда, это было... Как там пьется шампанское! То есть, пилось, конечно... Оно даже не пузырится – стоит в кружке ровно, как ртуть. Прибоя не слышно, не видно огней Себасты, только над головами Млечный путь и этот оскаленный лунный череп... Потому и не любят Западное городище здешние влюбленные. И вообще, нынешняя публика ночью там не шляется, да и я там давно не был. Хоть и под боком – только за холм перевалить.

И после всего этого меня обвиняют в херсонесской мистике!

О. молчит. Ее губы равнодушны и холодны, как в ту ночь, два года назад, когда мы с ней расставались...

...Борис с Маздоном спят, Лука же, как ни странно, скучает у входа, рядом с нашим покойным источником. Но даже тьма не может скрыть его печаль.

Держи, Лука, кури! Помялись немного, забыл пачку из кармана штормовки вынуть, как тут не помяться? Вот кончится курево, тогда будешь доставать у адмирала... Что, обидели? И сильно обидели? А ты ей стихи читал? А про привидений здешних рассказывал? А про?..

Тяжелый случай... Ну, ничего, главное бодрости не теряй. Только ежели будешь звать ее к нам, не сажай на мой лежак. И кружку мою не давай. И вообще, держи свою кружку-ложку отдельно!..

Новолуние. Стен еле виден разлет.

В полночь тень из могилы разбитой встает.

Вслед за нею другие – от края до края.

«К нам иди! Ведь ты наш!» – кто-то тихо зовет.

Кто из нас не скрежет будильника? Я тоже не люблю, тем более в Херсонесе да еще без пятнадцати шесть. Нет, тут лучше вообще не ложиться! Но делать нечего – многолетняя привычка берет верх. Вскокиваю, торможу Бориса. Впрочем, Борис, образцовый офицер, уже и сам встает. Маздон и Лука, естественно, мирно спят. Маздон – по долгу службы, фотографу спозаранку делать нечего, а вот Лука – по одному ему известной причине. Попытки его растормошить заканчиваются только невнятным бормотанием и подергиванием усиками...

Ясно! Не видать мне в этом году Луки на раскопе. Жаль, копал он отменно, а в давние годы вообще был орел, порою даже за руки хватать приходилось, настолько увлекался. Но что делать, и это проходит. Неужели и у меня пройдет?

А вот дрыхнет Лука классически, во сне у него совершенно детское выражение лица, вдобавок посапывает он так беззащитно, что поистине неотразим. И усики, усики! Ах, тюленьчик ты наш!..

А ведь точно – тюлень!

Утренние минуты расписаны уже много лет назад. Пайковая кружка воды (ровно полтора стакана) идет на умывание, а в время кипятильник исправно булькает, обещая порцию кофе. Без кофе тут делать нечего, особенно когда ложишься спать в полтретьего – или в полчетвертого. Ну, а там – обязательная сигарета, покуда таковые еще в наличии, и – с богом! Труба зовет.

...Полевая сумка, рейка, кепка... Все? Все!

Звание ветерана ко многому обязывает. Например, к тому, чтобы не опаздывать на работу. Особой необходимости в этом нет, пять минут, скажем, ничего не решают, но кураж – есть кураж. Мы с Борисом все годы четко следуем этому правилу. Д., кстати, тоже, но не уважения к обычаю, а по долгу службы.

Кофе допит, сигарета догорела... Все, Борис, нас ждут великие дела!

Проходя мимо сараев, обнаруживаем знакомую по прежним сезонам картину – молодняк еще спит, а Д. исправно пытается их разбудить. Когда заместителем был я, решалось все просто: совковой лопатой – да об дверь, благо двери железом обиты. Ох, как вскакивали! Ну ладно, новые времена, новые традиции... Знакомая аллея, поворот, еще один, теперь вниз... Кто как, а мы уже на месте.

...Да, Борис, заросло классически! Естественно, там, где копано, трава растет быстрее. Ничего, почистим! А кого будем просить у Д. в помощь? Сам понимаю, что Птеродактиля не заменить, но все же... Ладно, так и поступим. А вот, кстати, и Д.

Д. появляется на раскопе не в самом лучшем настроении. Прекрасно его понимаю: первый выход на работу, и сразу же – опоздание личного состава. Интересно, а чего он ожидал после трех дней безделья? Еще денек пооколачивали бы груши – вообще б разбежались. Хорошо, что Сибиэс этого

афронта не видит. Впрочем, кажется, вождь на раскопе показываться не спешит. Его, конечно, воля. И то правда, а мы с Д. на что?

Переговоры недолги. Прошу двух ребят – Володю и Славу. Володю знаю давно, копал с ним еще пару лет назад. Он – «афганец», парень серьезный и, главное, знакомый с правилами нашей игры. Слава же, судя по всему, – молодой шалопай, но за него ручается Борис. А больше тут брать и некого, не зелень же практикантскую.

Д. морщится, но соглашается. Себе он оставляет всех прочих, а ведь это, считай, полтора десятка. Хотя половина из них – девицы, да еще первокурсницы. Ну, ничего, справится как-нибудь.

Та-ак, а вот и личный состав на горизонте... Борис останавливает Славу, я подзываю Володю – и можно начинать. Но сначала, естественно, небольшая лекция – это тоже традиция. Да и самому не грех лишний раз мысли перед работой в порядок привести.

Про международное положение опустим, про дискуссию в Верховной Раде тоже...

...Ну-с, уважаемые коллеги, мы с вами находимся в так называемом Портовом районе, где наша славная экспедиция копает уже третий десяток лет и будет рыться, ежели не выгонят, еще столько же. То, на чем мы стоим, было когда-то средневековой усадьбой. Осознали? Так вот, она нас не интересует – мы ее уже раскопали. Под ней видите камешки? Да-да, эти серенькие... Так вот, на ее месте стояла усадьба первых веков нашей эры. Мы ее тоже раскопали. Стало быть, пойдем дальше, до воды. Здесь, Слава, водичка грунтовая подступает, так что как раз до нее и дойдем. А это уже эллинизм, аккурат до Александра Македонского доберемся...

И это осознали?

Копать будем здесь, в этом помещении под номером, дай бог памяти, 60-а. Верно, Слава, здесь есть еще и 60-б, и просто № 60. Здесь вообще много чего есть... А выкопать мы должны Стеночку. Вот видите, в соседнем помещении мы в прошлом году кусочек ее уже обозначили... Да-да, именно эта Стена, и именно от этой самой Казармы, вы правы, Володя. Но чтобы сие доказать, да еще

поглядеть, куда она идет... Вот-вот, именно, Борис, кому-то на кандидатскую. Да-с, но чтобы начать копать... Это я для вас, Слава, говорю, остальные волки опытные... Так вот, для начала надо всю эту травку того... Козьим способом. Самое неприятное дело, но куда деваться? И не только здесь, но и по стеночкам, и даже чуть дальше. А затем, Слава, что все это будет сфотографировано и пойдет в отчет. Дело нудное, заранее сочувствую... Итак, операция «Травка зеленеет».

Рукавицы, кажется, взяли? Прелестно, прошу начинать.

...Трава идет за нами по пятам, прорастает сквозь порушенную землю, колючая, упирающаяся в рыхлую пыль желтыми корнями, неистребимая, восстающая зеленой стеной каждый год, умирающая под беспощадным солнцем, вновь оживающая... Зеленый саван над руинами, покрывало милосердной природы, наброшенное на мертвый город...

...Совсем забыл, – обязан, как и полагается, объявить, что за сто найденных монет – шампанское. Но поскольку здесь мы больше десятка не найдем, снизим порог до полусотни. Да, Слава, представьте себе, было когда-то и такое – пивали, еще при Старом Кадее. Сам понимаю, что не найдем, но – традиция.

У Д., между тем, работа уже кипит. Вообще-то говоря, ежели в раскопе кипит работа, то это не бог весть как хорошо. Работа не должна кипеть, лучше всего, чтобы все проходило спокойно, без суеты, тем паче, без кипения и, как идеал, без всяких команд. Но тут уж мы с Д. не сойдемся, на раскопе он – истинный фельдфебель. Впрочем, подобным образом работать можно только с такими, как Борис – или с такими, как Птеродактиль, Дидик, Крокодил, Граф... Да где они теперь?

Ну, пока травка щиплет, займемся прозой, но прозой важной – инструментом. Дело в том, Слава (работайте, работайте!), что инструмента всегда не хватает. Так вот, в свое время, года, этак, четыре тому назад, я, учитывая эту вечную ситуацию, достал себе две личные кирки, и теперь их следует найти. Поскольку здесь их, как видите, нет, схожу к соседям. Конечно, Слава, кирки, в принципе, похожи. Между нами говоря, все это – не археологический инструмент, но настоящий археологический инструмент мы можем увидеть, увы, только в справочниках. Но из того, что у нас есть, это – самое лучшее. Первая кирка

легкая, прекрасно набитая, для тонкой работы. Ну, а вторая – мое знаменитое кайло «Ласточкин Хвост». Что, Володя, помните? Рубить им – одно удовольствие. Дело в том, Слава, что у этого кайла маленький носик, зато длинная хвостовая часть, и если надо снимать землю пластами... Знаю, Борис, что не по методике, но это мы пройдем завтра... Так вот, в этом случае кайло незаменимо. А что нам еще нужно? Правильно, Володя, еще нам нужны две совковые лопаты, три ножа, медорезка. Веники и так есть... Ну и хватит с нас покуда.

Как я и думал, мое личное оружие уже в жадных практикантских ручонках. Молодежь рычит, не желая отдавать инструмент, но, к счастью, обе кирки имеют метки – мою тризубую тамгу. Тут уж крыть им нечем, Д. тоже помалкивает – у него своя кирка имеется. Оттаскиваю инструмент к раскопу, заранее прикидывая, где будет лучше оставлять его на ночь, дабы не волочить каждый раз на горбу. Да, Борис, именно под тем кустом, где и в прошлом году. Авось туда никто заглядывать не станет...

Господа офицеры, не вижу темпа! Прошу, прошу, какой еще перерыв?

Итак, дело пошло, значит пора чем-нибудь заняться и мне. Например, дневником, той самой тетрадью, где еще следует отчертить поля.

...Дневник, в данном случае не личный, а полевой, довольно мудреная вещь. Лично я учился нехитрому искусству записывать ежедневные археологические впечатления лет пять. Д. пока только осваивает эту науку, время от времени честно штудируя мои записи. А сие совершенно необходимо, ибо любая комиссия первым делом смотрит что? Правильно, полевой дневник. Значит, поля должны быть аккуратными, писать следует только на одной стороне листа, а другую украшать чем? Именно – рисунками и схемами. Чем больше рисунков – тем лучше.

Ну ладно, вспомним-ка великий и могучий рыбий язык полевого дневника. Итак...

Дневник

археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.

Лист 4.

...Начали работу на месте пом. 60-а средневековой усадьбы № 9. В последний раз работы здесь велись в 1989 г. Описание помещения будет дано ниже.

Начали зачистку пом. 60-а...

...А еще следует не забыть ангажировать Маздона, чтобы все сие запечатлеть. Солнышко будет в нашей яме этак к полудню, даже чуть попозже, значит, Маздона надо позвать к часу. Правда, контражур останется... Ничего, сойдет.

Борис, у тебя еще есть сигаретки? Мерси... А кстати, сколько у нас пачек осталось? Н-да... Слава, вы ведь некурящий? Как, и вы курящий?! Эх, времена!.. Ну ладно, Слава, идите-ка ко мне. Внизу с травой уже все нормально, но вы взгляните отсюда. Дело в том, что аппарат возьмет чуть шире, значит в объектив полезет эта ерунда из соседнего помещения. Правильно, Борис, вырывать ее ни к чему, а вот срубить необходимо. И стенки, стенки, Слава!.. А потом все веничком, веничком, чтобы следов не оставалось, а то они так хорошо видны на фотографии!.. То-то сраму будет, давеча один отчет проглядывал, а там прямо посреди снимка – следы человечьи.

Позорище!

Володя, вы правы, зачистить бы не грех. Вы же копали в степных экспедициях? Именно – зачистить до «зеркала». Только здесь не получится, сами знаете. Почему, Слава, не получится? Ну, понимаете, чтобы зачистить помещение, хотя бы это, надо срезать верхний слой земли штыковой лопатой. Так обычно делают в степных экспедициях, где земля мягкая, лучше всего если чернозем, там это «зеркало» обязательно. А у нас, увы, суглинок с битым камнем, так что не выйдет... Очень жаль, полностью с вами согласен, настоящее «зеркало» дорогого стоит!

А что там у соседей? Ага, Д. куда-то засобирался. Ясно, дела административные, Сибэса нет, и бедняга Д. отдувается за двоих. Ну, теперь его команда разбежится, это уж точно. Ладно, время еще есть, успеет...

Солнце начинает печь немилосердно, по настоящему, по-херсонесски. Надо не забыть отдать приказ, чтобы завтра все были в головных уборах, что совершенно необходимо, дабы не словить солнечный удар. И, конечно, обувь. Обувь должна быть закрытая... Это, Слава, столь же обязательно, как и запрет бегать по стенам и курить в раскопе.

...Нет, Слава, я и сам точно не знаю, почему нельзя курить в раскопе. По-моему, просто дурная примета. Впрочем, начальник – я, в данном случае, – курить имеет право и, как видите, курит. А вам нельзя. Да, Борис, может быть, из-за того, что окурочок попадет в культурный слой и спутает хронологию. Хотя едва ли кто-либо поверит в древнегреческие окурки!

...Так, соседи явно решили пошабашить. Карантинная бухта в двух шагах, сейчас пойдут плескаться, потом разомлеют, потом начнут мазут с себя смывать... Выходит, Д. придется доводить до ума свои владения еще и завтра. А у меня... А у меня, вроде, порядок, козья работа выполнена... Еще во-о-он ту травиночку, Слава! Именно, именно... Теперь можно всех отпустить, предварительно спрятав инструмент и попросив Бориса поторопить Маздона.

Ну, как? Красиво? Нет слов!

Ага, вот и Маздон! Ну, все готово, будем оформлять. Куда рейку поставим? К южной стене – так к южной. Цифры, как полагается, верхней частью на север... Все правильно – «60», без буквы «а» обойдутся, и так понятно. Годится! Ну, поехали!..

Конечно, конечно, Маздон, не будь я таким лентяем, то давно бы научился и сам фотографировать. Наши раскопы, по крайней мере... Ладно, а теперь снимем все это с той стеночки...

Во время очередного перекура Д. не без удовлетворения сообщает, что с питанием личного состава кое-как устроилось. Сибиэс договорился со школой, той что на Дмитрия Ульянова, дабы нас кормили завтраками вкупе с обедами. Д. выглядит чуть ли не счастливым, ибо стадо практикантов и вправду нуждается в регулярной кормежке. А по мне так лучше суп из тушенки варить, знаю я эти севастопольские школы!

...Вот поэтому Д. – заместитель, а я – нет.

Дневник

археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.

Лист 4.

... В 13.00 пом. 60-а было сфотографировано фотографом экспедиции. Работали с 6.30 до 13.00...

Первый рабочий день на исходе, и что мы видим? Старый Кадей за такие темпы головы поотвинчивал бы, у него все летали пчелками. А нам – куда летать? Так себе, ползаем. Что ж, направим стопы наши грешные обратно на Веранду. Авось Лука не всю воду выхлюпал, кружку, чтоб умыться, оставил. Или хоть полкружки...

Невдалеке от Веранды вижу новые лица. Вернее, лица как раз не новые – передо мной двое почтенных херсонесских ветеранов, Саша и Андрей. Приехали из Питера, копают у Гнуса уже пятый год, а то и шестой. Они из той вымирающей породы, которая ездит сюда бог весть за чем, во всяком случае, не за диссертацией или бесплатным пляжем. Андрей и Саша – не историки, технари, оба преподаватели, Андрей, по-моему, даже доцент. Но вот, надо же, каждый год исправно направляются сюда махать кайлом. Правда, таких, как они, с каждым годом все меньше и меньше. Мы, старики, даже стали как-то смущаться. Вот Саша – как пел под гитару! А в последний год все молчал – не заставишь.

Ну, привет, привет! Ну что ты, Саша, куда там не изменился!.. Давно приехали? А где разместились? А-а, так мы соседи! Как, Саша, ты и гитару не взял? Это жаль, жаль, все понимаю, но жаль. А с сигаретами здесь плохо. И с этим делом плохо... А то, что захватили – это хорошо! Конечно, «Стрелу» я курю, сейчас я все курю. И с этим дело тоже плохо. «Легендарий» открыт, но сами знаете, сколько там дерут! А мы, как в прошлый год, на Слоновье Веранде – и Маздон, и Борис, и

Лука. Так что – ждем вечером на чай с мятой, хоть поговорим. Нет, не верю, что вы в последний раз. Я уже три года говорю, что в последний раз – и все еду... Ну заходите, будем ждать.

Сползаются ветераны! А ведь им у Гнуса несладко – не даром его экспедицию, его Золотой Легион, Восточным фронтом зовут. Это у нас сейчас лафа, только встаем рано. Хотя, с другой стороны, помахал киркой – и в час дня свободен. При Старом Кадее такого разврата не было...

И чего делать, Борис? В город рванем, что ли?

В город, так в город. В Севастополе, как всегда в это время, жарко, всюду очереди и патрули в белых кителях. Привычно обходим книжные магазины, на всякий случай заглядываем в продуктовый и от полной безнадеги заваливаемся в первую попавшуюся видушку, где честно внимаем похождениям банды вампиров. Поучительное, конечно, зрелище, но уже успело как-то поднадоесть. Да и по сравнению с тем, что по телевизору в новостях показывают, вампиры выглядят несколько бледновато... А в общем, обидно – за вампирами мы, что ли, по такой жаре сюда ехали?

...Но Провидение бдит. У поворота на улицу Древнюю, в нашем совершенно забытом богом и людьми «Дельфине» (не тот, что ресторан, а тот, что магазин) видим странное шевеление. Предчувствие, томящее, сладкое, охватывает наши измученные души. Нет, Борис, этого не может быть, не поверю!.. Ладно, зайдем, чего нам терять-то? Все равно, этого не может быть.

Не верю!

Приходится, однако, верить – прямо на прилавке лежат сиротливые пачки «Стрелы», и малохольный дедок, забыв, в какое время живет, приценивается к одной из них. Есть Бог, есть Бог, Борис! По сколько даете?! По десять? Ну так давайте!!!

Десять пачек – десять дней жизни! Ну пусть восемь, пусть всего неделю!..

...Первая затяжка, спросонья, под глоток наскоро сваренного кофе, предраскопная, самая сладкая, неповторимая, прогоняющая одурь... Не встававший под скрежет старого будильника в сером утреннем полумраке не поймет, не посочувствует, не оценит, не поделится последней сигаретой из пачки...

Долго курим, сидя на случайной уличной лавочке, все еще не придя в себя от неожиданной, невиданной удачи. Десять пачек курева, неделя жизни! Ах, как славно, ах, как хорошо! А помнишь, Борис, в прошлом году мы все болгарские искали, а феодосийскими брезговали? Я все «Родопи» выглядывал, от прочих нос воротил. Ты прав, много ли человеку нужно?

На Веранде, наконец, видим Луку – впервые за день. Вечер только надвигается, но Лука явно возвеселился душою. Ежели ему верить, наш герой напросился в гости к какому-то совершенно незнакомому «каплею», сиречь капитан-лейтенанту славного Черноморского флота, и они совместно опустошили имевшиеся у этого «каплея» две бутылки. При этом Лука, естественно, выдавал себя за уволенного из армии майора.

...Заливает? Не удивлюсь, ежели правда, и не такое бывало.

Так ли, не так ли, но Лука снова бодр и начинает увлеченно строить дальнейшие планы. Похоже, в его планах произошла какая-то перемена, и он уже не так настойчиво собирается добиваться благосклонности наших соседок. Ага, там появился какой-то Толик... Толик? Насколько я помню, это один из подручных Гнуса, хилый такой стрикулист, но очень вредный. Ну, поглядим, поглядим, Лука, неугомонный ты наш.

Вечер опускается на Херсонес. Сегодня, как и вчера, нет туч, и солнце погружается прямо в воду, заливая горизонт неверным перламутром, прощальный свет падает на серые колонны, из-за неровной глыбы храма Владимира наползает мрак...

Рабочая тетрадь. С.5-6.

...Экстрасенсорное исследование Казармы.

Время – 20.40 – 21.20. Погода – ясная, ветра нет. Освещение – минимальное. Цель на этот вечер – проверка вчерашних выводов и поиски северного входа Казармы. Порядок работы прежний.

Общие впечатления.

Казарма действительно очень «теплая». Для сравнения использовали так называемый «храм с аркосолями», находящийся в сорока метрах южнее Казармы. В храме отчетливо ощущаются «холодные» участки в районе северной и южной стен. В самой Казарме такого не обнаружено.

Северный вход в Казарму мог находиться под входом в средневековую церковь, построенную в X веке, однако проверить это совершенно невозможно, поскольку руины средневековой церкви не подлежат сносу. К тому же «тепло» входа самой церкви экранирует более ранние слои.

Общий вывод: результаты не могут быть признаны сколько-нибудь достоверными и заслуживающими дальнейшей разработки...

Уже в полной темноте заходит Саша, Маздон заваривает свой знаменитый чай с мятой, и мы сумерничаем, вдоволь вспоминая прежние годы и тех, кто когда-то здесь копал. О некоторых приходилось слышать, но о многих – ни слуху, ни духу. Ваган, наш старый приятель, уже второй год воюет в Карабахе, черт его туда занес, ереванского доцента... О себе Саша говорит неохотно, я лишь понимаю, что личная жизнь у него не особо клеится, вторая – если не ошибаюсь – супруга не очень с ним уживается, да и с работой что-то не так. Неудивительно, что Саша забросил гитару. А как он пел!.. Впрочем, что говорить, многие пели под этими звездами. Да где они теперь?

...Голос гитарной струны над разрушенным городом – неповторимый, певучий, яркий, прогоняющий призраки, собирающий уставших за день, дающий силы... Голос медной струны, голос живых, собравшихся среди этой Мертвой страны, негромкий, памятный, исчезающий в подступающих сумерках Забвения...

Луки нет, Бориса нет, – ушли в поход, не иначе на охоту, Маздон ложится спать, а я бреду к Эстакаде. Там быт уже устоялся. Сама Эстакада пребывает в полном забвении – молодняк ее обходит стороной – зато невдалеке выстроен временный, но достаточно добротный стол, за которым, насколько я уже успел убедиться, наша юная поросль принимает пищу посменно. Создается впечатление, что едят они почти круглые сутки с небольшим перерывом на сон. Вот и сейчас небольшая компания уминает какое-то варево, а еще несколько орлов и орлиц тусуются с банкой заваренного чая, ожидая своей очереди. Можно только позавидовать такому жизнелюбию. Молодые, румяные, без комплексов, а как щеками двигают!..

Сижу на Эстакаде и покуриваю «Стрелу». На меня почти не обращают внимания, что, конечно, к лучшему. Я чужой на этом празднике жизни, где едят, едят, едят...

О. появляется внезапно, присаживается рядом. Встаю, одергиваю штормовку, на всякий случай кошусь на публику. На нас не смотрят.

Едят.

О. передергивает плечами, берет меня под руку...

...Маздон третий сон видит, зато появились Лука с Борисом. И не просто появились – разместились на одном их лежаков и дуются в «деберц». Очень хочется чаю, и я, правда, без особой надежды, заглядываю в наш котелок. Удивительно, но полкружки заварки еще осталось. После этого можно и покурить...

...О. почему-то не нравится, когда я курю. Кажется, это что-то новое, раньше на такое она не реагировала.

Пока я дымлю «Стрелой», сбрасывая пепел в пустую консервную банку, Лука пытается изложить хронику боевых действий на соседском фронте. Слушаю его вполуха, понимаю лишь, что Толик (вспомнил! Толик по кличке Фантомас!) по-прежнему маячит на горизонте, но какое-то продвижение все же имеется. Во

всяком случае, завтра эти дамы нанесут нам визит.

Эх, Лука, Лука!.. Три дня – и речь все еще идет о каком-то визите с питием чая! Нет, на пенсию, на пенсию, дорогой. Рыбку ловить будем, мемуары писать...

Рабочая тетрадь. С.6-7.

...Из известных мне экстрасенсорных опытов в Херсонесе интерес представляет случай, рассказанный В. Его достоверность подтверждает Борис, при этом присутствовавший, а также еще трое, включая Женьку, Сенаторова сына. Последнего, впрочем, в расчет можно не принимать.

Два года назад В., экстрасенс неплохой, лечивший всю нашу экспедицию, решил провести опыт у могилы Косцюшко-Валюжинича, похороненного за храмом Владимира. Время – поздний вечер. В. и все присутствовавшие были совершенно трезвы.

В. попытался послать в сторону могилы, как он говорит, «сгусток энергии» или же «плазмод» (терминологию оставляю на его совести). При этом он стоял у самой ограды, следовательно в полутора шагах от памятника. После нескольких попыток В. почувствовал, что «плазмод» возвращается. Через некоторое время он ощутил страх, опустил руки и быстро отошел в сторону.

Все это недостойно даже упоминания, если не одно обстоятельство: все присутствовавшие подтверждают, что лицо и руки В. начали светиться бледным, бело-голубым светом. Явление продолжалось несколько минут. Сам В. ничего этого не видел.

Опыт был повторен через два дня с тем же результатом, но свечение не этот раз было слабее. В. вновь ничего не смог заметить, хотя субъективные ощущения оставались прежними.

Оценка: крайне недостоверно, несмотря на совпадающие свидетельские показания. Одному могло почудиться, другие тут же поверили и тоже «увидели». А в целом опыт глупый и очень опасный...

Мы выходим с рассветом горячего дня.

Скоро будет стонать под кирками земля.

А пока – тишина. Только чайки на стенах.

А под ними лишь мы – черный строй воронья.

...И вновь солнце не спеша выползает из Карантинной бухты, серые чайки по-хозяйски бродят по обломкам стен, вдали копошится отряд товарища Д., а наша боевая четверка, доблестный отряд «Стена» стоит на краю помещения номер 60-а...

...Борис, Слава, прошу за инструментом! Слава, вы сегодня опоздали, причем на восемь минут. Пока ничего, а в следующий раз – десять отжиманий. Так... Нас четверо, значит кирка, лопата и двое на выносе. На кирке будем меняться, в общем, все, как всегда. А вот что такое «как всегда», вам, Слава, надо будет разъяснить...

Но прежде – немного магии. Священная процедура – первый удар киркой в сезоне. Этот удар должен лично нанести кто? Правильно, я. Где моя, именная?

Ну, раззудись плечо!..

Так вот, Слава, раз вы еще не работали с киркой, взгляните. Есть два способа работы. Вначале показываю ортодоксальный, по всем правилам.

...Борис, не хмыкай, сам знаю, что у нас его не применяют, но я начальник или куда? Так вот, Слава, берете кирку и осторо-о-ожненько копаете носиком, при этом держа его почти параллельно земле. Копаете, потом отбрасываете. Но-о-осиком, клю-ю-ювиком... Совершенно верно, никакой производительности, но все-таки запомните на всякий случай. Не нравится, правда? Мне тоже не нравится, посему показываю способ неправильный, но результативный. Берете кайло... Да-да, именно «Ласточкин Хвост», и этим самым хвостом – не клювом, клюв тут слишком короткий – выворачиваете кусок побольше. Р-р-раз! Затем аккура-а-атненько по нем сверху – хлоп! И – выбираете находки. Как видите, все целое, ни одного свежего скола. А вот если киркой землю царапать, то половину разобьете. Лучше? И мне так кажется, а вот Старый Кадей нас бы этой же киркой за такое варварство – да по головушке... Нет, при мне никого не бил, но

однажды погнался...

...Мальчик был полон высоких идей. Сзади подкрался Старый Кадей. Старый Кадей размахнулся киркой – мальчик нашел себе вечный покой...

Итак повторяю: сначала – «р-р-раз!», потом – «хлоп!» Только не вздумайте поднимать кирку выше головы, так и убить кого-нибудь можно. Теперь находки – в лоток... Лоток – это наш ящик... Находки – в лоток, землю в ведро – и в соседнее помещение. Я его раскопал лет шесть назад, я его и закопаю. Нет, никакого криминала, помещения и полагается закапывать, чтобы стены не рухнули. По-научному, Слава, это называется консервация...

Ну, Борис на кирке, я и Володя – смена, Слава, прошу пока к ведрям... С богом!

Дневник

археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.

Лист 5.

...Работу начали в 6.30. Работали в том же составе. Начали раскопки пом. 60-а.

Пом. 60-а имеет прямоугольную форму, его длина 5, 6 м, ширина 2, 5 м. Помещение ограничено стенами, описание стен будет дано ниже.

На месте пом. 60-а раскопки велись с 1966 г. Всего было вскрыто четыре слоя. В 1989 г. снят слой № 4 высотой ок. 0, 7 м. Материал слоя состоял из строительной засыпи, в которой содержались главным образом находки VII – XI вв. Встречались более ранние находки (IV – VI вв.). Материал был сильно фрагментирован...

Уф, ну и рыбий язык! Но делать нечего, приходится писать именно так, ведь после доведется из всего этого клепать отчет. А находки здесь были мало сказать «фрагментированы» – раздроблены почти в труху. Ну ладно, что там у

Бориса вылезит?

Дневник

археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.

Лист 5.

...Начали снимать первый штык 5 слоя. Характер засыпи: нивелировочная, состоит из суглинки серого цвета с включениями небольших фрагментов белой глины, устричных раковин, костей крупного рогатого скота. Встречаются сильно фрагментированные куски черепицы, кувшинов, амфор, большей частью VI-VIII вв. Встречаются также куски дерева, фрагменты архитектурных деталей, небольшие куски тонкого оконного стекла...

Где-то так... А теперь посвятим несколько строчек всей той ерунде, которую еще можно определить. Ну-с, по порядку...

Плинфа... Плинфа, Слава, – это плоский кирпич. Средневековый, конечно. Какой же еще может быть в этом слое? Впрочем, античная плинфа точно такая же. Итак, плинфа, глина серая, с черными включениями...

Черепица. Кувшины. Кости... Почему я знаю, Борис, чьи это кости, остеолога у нас нет. Мослы здоровые, – видать, корова. Стало быть, крупный рогатый, очень крупный и очень рогатый... Нет, Борис, это все же не крыса, крысы мы тоже находили.

Та-а-ак, полива... Слава, хотите взглянуть? Красиво, правда? Нет, не уникам, массовый материал, берем только для счета. А делали ее проще некуда – поливали горшок стеклом, потому и полива. Это ранняя, она обычно без рисунка и почти всегда зеленая или желтая. А вот потом всяких зверушек рисовать начали, а цвет стал бурым...

Это, Слава, красный лак. Второй век нашей эры, судя по всему, Малая Азия, так называемый «Пергамский круг». А вот почему так называемый и почему круг – это мы в следующий раз.

Чего тут у нас еще? Ага, фрагмент известняковой колонны. Не первый – такие мы уже десятый год находим. Совершенно верно, Борис, Сибиэс уверен, что в этой Казарме, которая вовсе не казарма, было святилище. Небольшой такой храмик аккурат посередине, причем на втором этаже. Это надо Д. показать, пусть узрит.

Поглядели? А теперь три четверти всего этого можно с чистым сердцем выкинуть. Верно, Слава, считается, что археологи должны сохранять любой черепок. Во Дворце пионеров именно так и объясняют. Только мы этого добра откапываем не менее двух центнеров, а в фонды пойдет хорошо, если дюжина вещей. В экспозицию? В какую, в музейную? Слава, за все время, пока я здесь копал, в экспозицию попало, по-моему, четыре или пять находок. Да, всего лишь, и это не так уж мало.

...Ну конечно, Борис, ежели ты так хочешь досадить Ведьме Манон – то тащи к ней на точок все подряд, пусть описывает... Точок, Слава – это куда мы находки сваливаем, ток, только маленький... Но зря это – все равно выкинет. Так что посчитаем, запишем – и в отвал с чистым сердцем.

Эх, джентльмены, разве дело в этом мусоре? Что мы тут, красного лака не видели, что ли? Вы лучше на камешки поглядите – как лезут, а? Вот она, Стеночка!.. Нет, сегодня еще описывать не буду, рановато. Вот еще копнем да сравним. Но похоже, похоже... Судя по всему, эти камешки нам и нужны...

Дневник

археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.

Лист 4.

...Работу закончили в 13.00...

После обеда – сиеста. Неглупо придумали греки-испанцы – в самые жаркие часы спать, а потом, как похолодает, делом заниматься. Дел, правда, до завтра нет, но поспать надо, а то с недосыпу черти будут мерещиться. Ложиться в три ночи – вредно. А еще позже – еще вреднее!..

Рабочая тетрадь. С.7.

...Если предположение о местонахождении южного и северного входов (ворот) казармы все-таки справедливо, то из этого следует:

1. Казарма имела еще один ряд помещений, примыкавший к ее восточной части, ныне скрытый под дорогой. Здание было действительно огромным, а посему

2. оно никак не могло быть первоначально казармой хотя бы из-за размеров, а также наличия двух или даже трех этажей. Однако обращает на себя внимание то, что северные ворота предположительно примыкали к городском калитке, а точнее к узкому коридору, между стен, который шел от калитки к морю. Южные ворота в любом случае выводили прямо в порт.

Итак, гости города, пройдя проверку у калитки (или у находящихся рядом главных ворот), следовали прямо в Казарму, бродили по ее этажам, и, судя по размерам входа (ворот), вполне могли транспортировать в порт не только вьючную лошадь, но и небольшую повозку.

Возле западной стены Казармы в прошлом году была обнаружена поилка для лошадей.

Что из этого всего следует?..

Вечером Лука и Борис отбывают все к тем же дамам, Маздон как-то незаметно исчезает, а я направляюсь на Эстакаду. Картина не изменилась – часть молодняка усиленно ест, однако несколько человек о чем-то оживленно беседуют. О. среди них, посему присаживаюсь рядом и прислушиваюсь.

Разговор ведется, оказывается, о колдовстве. Ну, в Херсонесе это вечная тема! Здесь все располагает к мистике, так что тех, кто давно сюда ездит, начинают понемногу считать колдунами – или, соответственно, колдуньями, как ту же Ведьму Манон.

И действительно, что-то с нами постепенно происходит, – то ли интуиция понемногу просыпается, то ли память предков дает о себе знать, то ли просто помрачение накатывает пополам с дежа-вю. Но это, конечно, мелочи, а вот Ведьма Манон...

...Она-то как раз молчит. Молчит, глазенками сверкает...

Ведьма Манон – это серьезно. И дело не только в том, что она – ветеран, тут мы один другого стоим. Ведьма Манон – ведьма настоящая, наследственная, дар сей получила от бабки. И добро б еще картами баловалась или, к примеру, хиромантией. Нет, Манон мастер по иным делам – травки разные, зелья приворотные. Слышал, что и фигурки из воска лепит... Не видел, но верю, тем более, что в последнее время она совсем озверела, всем грозить стала... Тут без святой воды не разберешься!

Всему этому, естественно, можно и не верить. Но что она с бедолагой Маздоном сотворила? Старше ее мужик на четверть века, умнее, толковее – и на тебе: совсем маздоном сделался, голову потерял, побежал с Манон чуть ли не в ЗАГС. Потом стал не нужен, уже и вроде как развелись-разбежались, а Маздон все забыть не мог, бегал по Херсонесу, ревновал, с фонарем искал ночами... Всем смех – и Манон довольна. Бедолага Маздон!.. И все остальные, на кого она глаз положила, ничем не лучше стали. Вот Стеллерова Корова, к примеру. Только с Манон сдружилась – сразу карты «Таро» завела, пентаграммы чертить принялась. Вот и оставайся после всего этого материалистом!

Мужики-то ладно, но там, где появляется Манон, особенно в последнее время, начинается нечто несусветное. Вот об этом несусветном сейчас и речь идет. В соседнем сарае рубашки по ночам летают, а поблизости, рядом с нашей Верандой, барабашка объявился. Веселый такой, в контакт вступает охотно – и всем пакости говорит.

...Знаю, знаю, уже встречался! И не один я. Лука вчера спросил, скольких дам он в этот сезон к сердцу прижмет и собой обрадует, а барабашка возьми да ответь,

что Лука – ни одной, а вот его – это точно. Причем – не дамы. Бедняга аж взвыл. Да, что-то сильно запахло в нашей богоспасаемой экспедиции серой!..

...Борис все время грозит Ведьме костром, а та обещает его извести. И вообще, знающие люди утверждают, что у Манон биополе черное...

Поистине, есть что обсудить под черным херсонесским небом!

...О. качает головой. Кажется, ей никуда не хочется уходить. Мне, признаться, тоже...

Та-а-ак, а молодежь уже заговорила о привидениях. Ну, конечно, разве можно без них? Черный Монах и Белый Адмирал!.. Черный Монах выдал чекистам монастырские сокровища, а вот Адмирал – это сам Александр Васильевич Колчак, тот, кого в Ангару сбросили. Вынырнул, стало быть. Вынырнул, сюда явился.

...Привидениями здесь пугают новичков, как правило, девиц, для чего есть немало проверенных способов. Лучше всего выбрать полнолуние, когда тени резкие и любой камешек кажется мертвецкой головой. К этому добавляется белая простыня – а если еще и как следует повыть!.. Обычно сие проделывают на развалинах собора Владимира, чтоб далеко не ходить. Но привидения, что появляются в полнолуние, все же не так опасны, а вот которых в новолуние встретишь, те уж совсем страшные. Ежели с собой не уволочут, то инфаркт обеспечат на раз.

О месте, где привидения наиболее опасны, мнения присутствующих разделяются. Я категорически отвергаю предположение, что призраков можно встретить на вершине башни Зинова. На этой башне почти каждую ночь гуляют веселые компании, что считается особым шиком. Ясное дело, такие сонмища могут распугать самых смелых призраков, а посему я защищаю свою давнюю теорию, что ежели тут привидения и имеются, то искать их должно все на том же Западном городище. Прежде всего – безлюдно, и днем, и особенно ночью. А главное то, что все Западное городище – почти сплошь кладбище, где покоятся целые поколения херсонеситов. Сам я, правда, здешних привидений не видел, врать не буду...

...Не видел?

И никто из наших ветеранов не видел. Вот первокурсницы – те да, те каждый год наблюдают. Видать, настоящие привидения в Херсонесе повывелись. Вот на Эски-Кермене еще встречаются, там Керменский мальчик живет, это все знают. А на Мангупе, соответственно, Мангупский. Правда, я их тоже не видел, но знаю таких, что видели. А не видел их я потому, что эти, Керменский и Мангупский, профессиональных археологов боятся...

...После того, как мы несколько лет назад в небольшой компании, куда затесалась и Ведьма Манон, сбегали на Эски-Кермен, бедняга Маздон, переживавший очередной приступ ревности, вопил о том, что Манон там путалась с Керменским мальчиком...

Вновь смотрю на О. Она отворачивается, опять качает головой...

И вообще, Хергород – загадочное место. Летом здесь почти никогда не идет дождь. Севастополь – через бухту – заливают, а здесь ни капли. Роза ветров, говорят, особая. А ежи! Только здесь живут ушастые ежи, нигде больше. А фиолетовая жужелица, крымский эндемик, нигде нет, а здесь на каждом шагу. Что тут скажешь? Загадочное место...

Начитанная молодежь охотно соглашается, Ведьма Манон начинает что-то повествовать о раскопках могил на том самом Западном городище, но это уже не интересно. Могилы я не трогаю – дал зарок еще много лет назад, совсем желторотым, когда копал скифов под Песочином. Тогда пили прямо на дне опустошенного кургана, обмывая очередную находку, делали из черепов чаши – или играли ими же в футбол. Уже под самый конец экспедиции раскопали могилу, где были похоронены две старушки вместе с маленькой собачкой. На следующий вечер череп одной из бабушек служил чашей на торжественном посвящении в археологи...

Все, пора уходить!

О. даже не обернулась. То ли не в настроении, то ли просто понимает, насколько это все...

Насколько – что?

...Поздно, ненужно, бесполезно, мучительно, словно пробуждение мертвеца, гальванический ток по жилам, гальваническая боль в сердце, легкая дрожь тонких пальцев... Агония, фантомная боль, фантомная любовь, фантомная нелепость...

На Веранде – свет. Ага, да у нас гости! Думая о сохранности своего спальника, избегаю по ступенькам. Так и есть – на моем спальнике сидят. Правда, сидит Лука, а это не так страшно. Две наши соседки расположились напротив, на лежаке Маздона, которого опять где-то носит, Борис пристроился чуть в сторонке и покуривает. Чай уже выпили, теперь доедают откуда-то взявшуюся колбасу.

Отодвигаю Луку в сторонку и выцеживаю из чайника глоток заварки. Значит так: которая побольше – Лена, поменьше – Марина, обе из Кемерово... Та-а-ак, и о чем разговор? Тоже о привидениях? Слава богу, не о них, а о Великой Тайне Састера.

А что, тоже неплохо!

Присаживаюсь в уголке, слушаю, хоть и не в первый раз. Но Лука излагает знатно – жаль не этим кемеровским сие оценить!

Итак... Итак, век назад великий Косцюшко нашел каменную плиту с надписью. Это была знаменитая херсонесская Присяга. «Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девой, богами и богинями олимпийскими и героями, которые владеют городом, землей и укреплениями...» Ну и так далее. Занятная Присяга! Обещали, ясное дело, не предавать, не изменять и прочее, но главное – сообщать обо всем подозрительном куда следует, то есть работникам тамошней госбезопасности – номофикалам. Ничто не ново!.. И среди прочего херсонеситы клялись не выдавать тайну Састера...

Чего это такое – никто не знал. И сейчас не знает. Састер себе – и Састер.

Думали всяко, но в последние годы начали все чаще предполагать, что таинственный Састер – не что иное, как подземное святилище. Может быть, то самое, где хранилась городская святыня – деревянная статуя богини Девы. Именно оттуда его доставали в редкие дни праздников – или в час беды, когда Дева отводила опасность от города. Но Лука с этим категорически не согласен.

Он глубоко проник в сущность древних обычаев и пришел к выводу, что в Састере хранилась не какая-нибудь богиня Дева, а нечто более серьезное – Великий Фаллический Символ...

...Лука давно занимается проблемой Великого Фаллического Символа. Еще в те годы, когда он не гнушался бить в руки кирку, наш гусар ставил перед собой единственную цель – отыскать Великий Символ, совершив таким образом переворот в привычных представлениях о Херсонесе. В его рассказах Символ вырастал до титанических размеров – в последнее время Лука определял его пятью метрами в диаметре и двадцатью в высоту. Бросив баловаться киркой, Лука пообещал соорудить у себя на работе интравизор, просветить толщу херсонесской скалы, найти недоступный Састер и доказать свою правоту.

Мы с Борисом слушаем этот шедевр научного красноречия с явным удовольствием, но, увы – девицы из Кемерова, кажется, так ничего не поняли. Надо было Луке выдумать что-нибудь попроще. Не ценят нашего акына! Смотреть на девиц становится совершенно неинтересно, и я отправляюсь дышать свежим воздухом. Все равно чай уже допили!

...Прямо на холмике посреди херсонесской саванны натыкаюсь на человека – живого, в спальном мешке и мирно спящего. Да это же Маздон! То-то он по ночам пропадает, не иначе, вспомнил свою давнюю привычку ночевать под херсонесскими звездами. И не сыро ему... А еще говорят, что перевелись оригиналы на свете!

Рабочая тетрадь. С.7-8.

...Необъяснимый случай.

Два года назад работавшие в одной из экспедиций пионеры юные (головы чугунные) нашли где-то человеческий череп, вероятно, немецкий, из могил на Западном городище. Черепом играли в футбол, а потом бросили его около тропинки, которая ведет от Веранды к сараям.

Мы тогда жили в сараях. Вечером, когда уже темнело, мы с Борисом сидели на скамейке и курили. Борис заметил некий силуэт, двигавшийся от веранды прямо к нам. Разглядеть подробнее его было невозможно из-за темноты. Скуки ради, мы стали гадать, кто бы это мог быть (тогда на Веранде жила команда Слона). Однако силуэт внезапно исчез. Мы удивились, однако подобное повторилось и на следующий вечер. Мы заинтересовались и подошли к тому месту, где таинственный силуэт исчезал. Возле тропинки, в траве, лежал череп.

На следующий день череп мы похоронили, и больше ничего подобного не происходило. И я, и Борис в эти дни были совершенно трезвыми.

Подобных баек я наслушался и начитался (хотя бы эпизод с философом во «Флоридах» Апулея). Однако в данном случае мы это действительно видели...

Из раскопа доносится радостный крик –

Чей-то точный удар погребенья достиг.

Нависает толпа, суетится фотограф...

Здесь лежит человек! Замолчите на миг!

Дневник

археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.

Лист 7.

...Работу начали в 6.30. Работали в том же составе. Продолжали снимать первый штык 5 слоя в пом. 60-а. Характер засыпи прежний, однако в северной части помещения находок значительно меньше, чаще встречаются включения желтой глины, а также мелкие необработанные камни.

При вскрытии первого штыка 5 слоя пом. 60-а обнаружены остатки каменной стены, идущей параллельно юго-западной стене пом. 60-а. Эта стена находится на одной линии стены Казармы, открытом еще в 1989 г.

Является ли эта стена стеной Казармы? Сомнения вызывает характер кладки, которая очень похожа на раннесредневековую. Приблизительно на этом уровне в 1983 г. в соседнем помещении номер 60 были открыты остатки стены, которая, возможно, являлась фасадной частью стены, открытой в этом году.

Находок сравнительно немного, все они сильно фрагментированы...

Вот так-то, Борис: копали, копали – откопали... То ли та Стеночка, то ли вообще бог весть что. Она, конечно, на том же уровне, что и Казарма, сам вижу. Но может быть, это просто средневековая стена на более древнем фундаменте, и такое здесь бывало. Что делать? Копать будем, однако – пока не поймем хоть что-нибудь. Ладно, давай сигарету. Перекур.

Что ж, курим... Приходит Д., и я демонстрирую ему весь бедлам моего раскопа. Д. в ответ приглашает взглянуть на свой бедлам, который, пожалуй, почище. Хуже нет занятия, чем копать город, проживший много веков! Поживший – и тому же умерший своей смертью. То ли дело если какой-нибудь налет, великий пожар, землетрясение, наконец. Никаких тебе перестроек, новых строительных слоев. Да, гуманизмом в археологии и не пахнет!..

...Представляю, как бы мы ругались, ежели б Херсонес не погиб тогда, в конце страшного XIV века, а худо ли, бедно, но дотянул до дня сегодняшнего. Копать современный город вообще почти невозможно. Вон, Александрия, Афины, даже Рим. Много накопили?

Ну ладно, скоро должен появиться Сибиэс, надо же ему что-то доложить? А что именно? Три камня непонятного значения и назначения?

Сибиэс действительно скоро появляется, но мы с Д. тут же понимаем, что вождь вполне может обойтись и без наших проблем. Взгляд его грустен, рассеян... В общем, как всегда.

...Копаете? Хорошо... Откопали? И это хорошо. А он, стало быть, Сибиэс, чувствует себя не ахти, то ли печень, то ли совсем даже не печень. Того и гляди, в больницу уложат. А Сенатор Шарап завтра катит в Киев на свою

парламентскую сессию, так что экспедицию придется тянуть нам с Д...

Окончательно убеждаюсь, что с начальством все в полном порядке. Когда Сибиэс начинает ныть и жаловаться на печень, значит дела идут, как должно. А вот когда он, не приведи Господь, начинает активничать...

Ничего, Сибиэс, все будет нормально! Чай бы зашел выпить что ли, а то и на пляж бы заглянули, со скалы попрыгали... Вон, мы уже как загорели, а ты все белый! Здесь, конечно, не Женевское озеро, но все же...

Бедняга Сибиэс! Что-то он и вправду киснет. Рано, рано еще болеть, небось, когда при Старом Кадее вставал каждое утро в полшестого и торчал тут, под этим ненормальным солнцем, как огурчик был! Нет, в Херсонесе расслабляться нельзя... Куда же ты, хоть погляди, чего выкопали!

Было начальство – нет начальства.

...Маленький мальчик в Казарму залез. Там караулил его Сибиэс. Хищно взметнулся над жертвою клык – маленький мальчик попал на шашлык...

Д. придавлен чувством свалившейся ответственности. Впрочем, это в его интересах – надо же постажироваться перед тем, как в следующем году везти сюда эту ораву самому! Ничего, ничего, разберемся... Что, кладочки, говоришь, у тебя лезут? Они и у меня лезут. Ну ладно, пошли, поглядим...

...Кошмар! Кошмар и дикий ужас! А сколько тут у тебя строительных периодов? Два, говоришь. Не-е-ет, не два тут периода. Это что вылазит? Сам вижу, что водосток. Ладно, давай сигарку, поглядим попристальнее...

Слушай, а ты уверен, что это еще не копано? Точно уверен? А бутылка пивная откуда? Ну-ну...

Дневник

археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.

Лист 7.

...Описание черепицы. Найдено восемь фрагментов, в том числе три с бортиками. Бортики высокие, клювовидные...

После обеда к нам заглядывает несколько оклемавшийся Сибиэс, и мы все вместе отправляемся на пляж, то есть, на все те же наши скалы. Быстро совершаем дежурный заплыв по скучной теплой глади и поудобнее располагаемся на камнях, скуки ради наблюдая за Лукой. Наш тюлень не спешит вылезать из родной стихии (тюлень и есть!), время от времени совершая непонятные маневры, сходные с противолодочным зигзагом. Вскоре смысл сих экзерсисов обнаруживается: Лука, словно конвойный авианосец, совершает виражи вокруг какой-то незнакомой дамы. Время от времени тюлень шумно отфыркивается и с победоносным видом поглядывает на нас.

Все понятно. Боевая тропя! Лука преследует цель не только на суше, но и на море. Видать, скоро летать, станет!

Наше укоризненное «а-а-а-а!» несется над морем. Лука отзывается бодрим «бе-е-е-е!» – и уплывает с неизвестной дамой вдаль.

Ладно, теперь можно покурить и побеседовать, тем более, что в последнее время беседовать с Сибиэсом приходится нечасто. А жаль, с такими, как он, приятно разговаривать на самые неактуальные темы. Актуальные-то с любым дураком обсудить можно! А вот чего-нибудь позаковыристее...

Ну, например, такой вполне херсонесский вопрос: отчего, собственно говоря, все это поггло? Почему пала Византия? Великая империя, самое культурное государство в мире, самое богатое, да еще с колоссальным опытом Римской империи. Держава, раскинувшееся в лучшие годы от моря Черного до моря Красного, от Эбро до Евфрата...

Сибиэс задумчиво почесывает бороду. И вправду – почему?

Судьба империи! После гибели Византии сюда, в Крым, приплыли турки и сровняли с землей то, что еще оставалось от Херсонеса. А через четыреста лет

после гибели Второго Рима в Крым ворвались орды Фрунзе, и Юра Пятаков вместе с доброй бабушкой Розалией Самойловной Залкинд всю зиму тешились расстрелами. Впрочем, Розалия Самойловна, не вынося звука стрельбы, предпочитала топить белых гадов в севастопольской бухте.

...Горькая память давней войны, горькая пыль крестного пути, горькая полынь забытых могил, горькая слава последних героев, вставших за честь страны, встретивших тонкой сталью штыков Красный Армагеддон, кинувшихся в жерло Мальмстрима... Убитые, расстрелянные, изгнанные, рассеянные от колымских тундр до африканских песков, над вашей памятью сомкнулась пучина Черного моря, над вашими костями клубится черный ил...

Понимая, что Луку мы едва ли дождемся, поскольку защитная жировая прослойка обеспечивает ему длительное автономное пребывание в воде, начинаем собираться. Сибиэс опять жалуется на самочувствие и все вздыхает о тех славных временах, когда он попросту копал (если по-нашему, то «стоял на кирке») в экспедиции легендарного Стрежелецкого. Я тоже вздыхаю – стоять на кирке, не занимаясь дневниками, отчетами и всякой бухгалтерии, и еще у самого Стрежелецкого! Да...

...Стрежелецкий был одним из последних Великих Херсонеса. Именно он, собрав молодежь из разных городов – и Старого Кадея, тогда еще отнюдь не старого, и Великого Бобра, которая в те годы была всего лишь аспиранткой, и сибарита Балалаенко, еще худого и юного, вместе с ними начал копать наш Портовый район. Из его экспедиции вылупились три новые, затем еще две...

Увы, Великих Херсонеса почти не осталось.

Нет отчаянного смельчака Константина Гриневича, первым решившегося опуститься в громоздком водолажном скафандре на дно Карантинной бухты в поисках таинственного Страбонова города.

Нет старика Белова, раскопавшего Северный район с его потрясающей красоты базиликами, с тех пор пропечатанными на сотнях открыток и проспектов.

Нет и легендарного Лепера, первого знатока херсонесского некрополя. И никому не пожелаешь его судьбы.

Нет уже и Стрежелецкого.

Только старый Волк Акелла, давно уже выгнанный на пенсию, ославленный и осмеянный, все еще копает свой знаменитый театр, каждый день набирая в экспедицию бог весть на какие деньги крымскую шпану – отчаянных «волчат».

Его товарищу по несчастью, мрачному чернобородому москвичу Беляеву повезло меньше: оклеветанный и выгнанный с работы, он навсегда расстался с Херсонесом. Лагерь, который он строил много лет, прибрали к рукам более основательные люди.

Не копает уже и Старый Кадей. Он сам предпочел бросить это неблагодарное занятие.

Держится покуда еще Большой Бобер со своим Урлагом. Но к ее владениям уже подбирается Гнус...

Что и говорить, нелегкие времена сейчас в Херсонесе! Похоже, Сибиэс покидает вахту вовремя, и нелегко будет Д. держать здесь оборону. Настает эпоха Гнуса, сдадут весь Хергород кооператорам в аренду – и останется наследие Великого Косцюшко только на старых негативах из архива. Ежели, конечно, сам архив не используют под кооперативный ресторан.

Сибиэс грустен. Он наверняка помнит свои собственные речи, сказанные много лет назад, – как можно реставрировать Херсонес, подвести под своды старые базилики, поднять из праха целые кварталы, пока еще не поздно, пока еще есть время. Построить здесь научный центр с настоящими лабораториями и хранилищем для фондов... Тогда Сибиэс еще верил в это. Теперь же... Чего уж теперь!

Еще год назад в нашей столь любимой, столько раз запечатленной на Маздоновских снимках «Базилики в Базилике» стояло семь колонн. В этом году осталось только две.

...На мертвых камнях мертвого города копошатся гиены, воют шакалы, роют норы лисицы, волки скалятся на равнодушную Луну. Не найти того, кто поднимет Херсонес, словно Лазаря, из праха, не вечны стены, и камни не вечны

камни, и земля перетирается в пыль. Пыль, пыль, сухая безнадёжная пыль...

Рабочая тетрадь. С.7.

...Наблюдения Бориса:

1. В последние несколько дней в Херогороде особенно много заезжих «магов» и прочих хиромантов-гадалок. Замечены вечером возле храма Владимира, где «заряжались» в позе «немец под Москвой». Также кучковались в «Базилике в Базилике», причем все около колонн, где тоже пытались «заряжаться».

Борис вспоминает, что Ведьма Манон очень любит фотографироваться именно у этих колонн. Случайность?

2. Борис не поленился сходить к Крестильне Владимира, где выплясывала колдунья, виденная нами по ТВ. Он считает, что это самое «холодное» место в Херсонесе, откуда любой обычный экстрасенс постарается уйти как можно быстрее. Выходит, кому война – а кому мать родная?

Комментарии:

– Ведьма Манон весьма высокого мнения о своей фотогеничности, посему фотографируется всюду. А колонны «Базилики в Базилике» смотрятся на фотографии очень неплохо.

– Крестильня Владимира не имеет отношения ни к древности, ни к средневековью. Это новодел конца прошлого века, в настоящее время залитый бетоном. Поведение колдуньи и в самом деле выглядит странным. Вероятно, плясала она там по просьбе телевизионщиков для пушшего визуального эффекта...

Пьем чай. На этот раз Маздон расстарался – или мята какая-то особенная. Сибиэс откланивается, посетовав, что не дождался Луки. Видать, занят наш тюлень, не иначе в Турцию уплыл!

...Стук в дверь. Очевидно, кто-то из нечастых гостей – мы вечерами никогда двери не запираем. Ага, действительно, гость, причем редкий – Женька, Сенаторов сын.

Когда я впервые сюда приехал со Старым Кадеем, Женьке было семь лет, он гонялся за местными бабочками, мечтая стать энтомологом. Слово это Женька произносил абсолютно правильно. Теперь уже семнадцать, он увлекается компьютерами и тэквондо.

Ну-с, юноша, что тревожит? Ага!..

Оказывается Женька всерьез озабочен ухудшением астральной обстановки вокруг нашей экспедиции. Черные пятна отрицательной энергии внедряются в нашу общую ауру, дважды к сараям наведывались крайне подозрительные энергетические двойники...

...Вот ужас-то! А следы-то человеческие!..

А посему Женька намерен начать кампанию по борьбе с колдовством в экспедиции. Для начала он решил начертить вокруг Ведьмы Манон магический шестигранник, дабы запереть в нем Ведьму до конца сезона. За формулой шестигранника он ко мне и явился. После некоторого раздумья предлагаю отложить шестигранник до новолуния, когда он наиболее эффективен, а пока освятить наш участок Казармы, поскольку любой ребенок в Хергороде знает, что Ведьма Манон творит по ночам страшные заклятия у свежих раскопов, в результате чего находки уходят далеко под землю напрямик в грунтовые воды. Женька загорается этой идеей и предлагает ценное дополнение: наряду с освящением раскопа соорудить на его стене крест из подручного материала (глины), а заодно установить в укромном месте некий амулет, тайна которого известна ему одному.

...А ведь парню уже семнадцать! Вот что значит каждый год в Херсонес ездить!..

Осуществление этой программы намечаем на завтрашнее утро. Заодно поставлю Женьку в наш раскоп на ведра – чтобы заклятия были более действенными.

Хороший Женька парень, но лишнего при нем болтать не стоит. Он не только наследник Сенатора Шарапа, но и сын главреда «Херсонесише беобахтар» – а заодно добровольный корреспондент и распространитель свежих номеров нашей знаменитой газеты... Вот и сейчас он сообщает кое-что из вечернего выпуска.

...И снова – ага! Оказывается Лука кинулся в море, потому как его кемеровская пассия, та, что покрупнее, по имени Лена, отшила нашего тюленя, предпочтя ему какого-то желторотика из команды Д. К тому вокруг этих девиц вороном кружит небезызвестный Толик-Фантомас...

Прав был Борис –дохлый номер, зря Лука про Символ Фаллический распинался. Пусть теперь хоть за морем счастья поищет!

...Солнце снова валится за серые прибрежные утесы, но сегодня над морем тучи, и закат кажется блеклым и неинтересным. В этих случаях старые херсонеситы замечают, что завтра будет ветер. Еще ни разу эта примета не подвела, тем более, что ветер в Херсонесе дует постоянно – даже ежели солнце садится при совершенно ясном небосклоне.

Интересно, доживу ли я когда-нибудь до такого своего Херсонеса, когда вечерами будет хотеться только одного – надеть свитер, штормовку, сесть на нашей лавочке у навек заглохшего источника и курить, беседуя с такими же, как я, ветеранами о днях минувших? Ведь давал, давал себе зарок – никуда не влезать, вести себя тихо-тихо...

Впрочем, мы с О. не шумим. На Западное городище наваливается темень, окружает нас со всех сторон, я надеваю на О. вовремя захваченный из дому свитер, а она дрожит, повторяет, что ей холодно, что она зря сегодня пошла со мною, и в Херсонес тоже поехала зря, а ее брат стал уже о чем-то догадываться.

...Ложь украденных поцелуев, ложь покорного тела, ложь привычных слов, ложь торопливых ласк, ложь безвидной херсонесской ночи, ложь сигареты, передаваемой из губ в губы... Ложь, ложь, ложь...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С.9-10.

...В середине IV в. произошло усиление херсонесской экспансии в Западном и Северо-Западном Крыму. Часть тавров отступила в горы, но некоторые остались жить в предгорьях и на равнине. Интересно, что одно таврское поселение находилось рядом с городом – в Сигнальной бухте (Симболон), ныне Балаклавской. Возможно, эти тавры находились на положении полурабов-илотов.

Оттеснив и покорив тавров, херсонеситы овладели частью западного Крыма, присоединив к своему государству небольшой ионийский город Керкиниту. Была основана крепость возле современной Евпатории (совхоз «Чайка»).

Продвигаясь далее на запад, херсонеситы столкнулись с владениями Ольвии, и между этими греческими государствами началась ожесточенная война. Усадьбы ольвиополитов в Крыму были разрушены и сожжены, а территория присоединена к Херсонесу. Отношения между Ольвией и Херсонесом были серьезно испорчены как минимум на полстолетия.

Так была создана Херсонесская держава, просуществовавшая до III в. до н. э., пока ее не уничтожили скифы, оступившие в Крым под натиском сарматов...

Я к лицу твоему прикасаюсь рукой.

Холод кожи, а в сердце – недвижимый покой.

Если что-то и спит – не найдешь, не разбудишь.

Просто встретились тени над Летой-рекой.

Сидим с Борисом на краю раскопа совершенно сонные и оттого крайне невеселые. Мы попросту не услышали будильника и проснулись, точнее, я проснулся, по сигналу невидимых внутренних херсонесских часов, аккуратно за десять минут до начала работы. Какой уж тут кофе! Конечно, можно было и кофе сварить и выпить, и покурить, не особо торопясь, поскольку наша гвардия – Володя со Славой – вероятно, еще только умываются. Но форс, форс херсонесский! Я никогда еще не опаздывал на раскоп. Однако тоскливо... Борис не выдерживает и хватает кирку. Пятнадцать минут киркования вполне заменяют чашку кофе. Следую его примеру.

Э-э-эх! Ух-х...

Вместе с изрядно опоздавшими гвардейцами прибегает умытый и веселый Женька, Сенаторов сын и с места в карьер он спешит сообщить, что его уважаемый родитель Сенатор Шарап временно прерывает свои парламентские бдения и возвращается в Хергород. Что-то недолго он в этом парламенте бдил! Однако же, Сенатор прав – на наших скалах не в пример веселее, чем в Мариинском дворце.

Между тем Женька приступает к делу, благо, все необходимое имеется под руками. Все необходимое – это прекрасная, чуть зеленоватая и очень вязкая глина аккурат из-под Стены и немного умения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/valentinov_andrey/sozvezd-e-psa

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)